

Уилки Коллинз

ЗАКОН И ЖЕНЩИНА

Уильям Уилки Коллинз
Закон и женщина

«1С-Паблишинг»

1875

Коллинз У.

Закон и женщина / У. Коллинз — «1С-Паблишинг», 1875

Юная новобрачная – Валерия, любящая своего мужа – аристократа Юстаса Вудвила, отчаянно пытается раскрыть тайну о его недавнем прошлом. Юстас обвинялся в том, что отравил свою первую жену, и теперь это обстоятельство мешает семейному счастью героини. Убеждённая в невиновности супруга, Валерия ищет доказательства его непричастности к смерти своей предшественницы.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	28
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	43
Глава XI	51
Глава XII	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Уилки Коллинз

Закон и женщина

Часть первая

Глава I

Ошибка новобрачной

«Так некогда и святые жены, уповающие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям. Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином. Вы дети ее, если творите добро и не смущаетесь ни от какого страха».

Заклучив этими хорошо известными словами обряд венчания англиканской церкви, мой дядя Старкуэзер закрыл свою книгу и взглянул на меня через решетку алтаря с выражением сердечного участия на своем широком красном лице. В ту же минуту тетка моя, миссис Старкуэзер, стоявшая возле меня, сказала, ударив меня слегка по плечу:

– Валерия, ты обвенчана!

Где были мои мысли? Что сделалось с моим вниманием? Я была слишком смущена, чтобы знать это. Я вздрогнула и взглянула на своего мужа. Он, по-видимому, был смущен не менее меня. Одна и та же мысль, я уверена, была в эту минуту у нас обоих. Возможно ли, что мы, вопреки желанию его матери, сделались мужем и женой? Моя тетка Старкуэзер решила вопрос, потрепав меня опять по плечу.

– Да возьми же его руку, – шепнула она тоном женщины, вышедшей из терпения.

Я взяла его руку.

– Следуй за дядей.

Держа крепко мужа за руку, я последовала за дядей и викарием, совершавшим вместе с ним обряд бракосочетания. Два священника ввели нас в ризницу. Церковь находилась в одном из мрачных кварталов Лондона между Сити и Уэст-Эндром. День был сумрачный, воздух душный и сырой. И сами мы представляли невеселое свадебное общество, вполне гармонизировавшее с мрачной местностью и с унылым днем. Никто из родных и друзей моего мужа не присутствовал: его семейство, как я уже сказала, было против его женитьбы. У меня же не было других родных, кроме дяди и тетки. Я была сирота, и друзей у меня было совсем немного. Старый преданный клерк моего отца, Бенджамен, присутствовал в качестве посаженного отца, он «выдавал» меня, как говорится. Он знал меня с детства и во время моего сиротства был добр ко мне, как отец.

Нам предстояло совершить последнюю формальность – записать свои имена в церковной книге. Смущаясь и не зная хорошенько, что от меня требовалось, я сделала ошибку, которая, по мнению моей тетки, была дурным предзнаменованием: я написала свое замужнее имя вместо девичьего.

– Как! – воскликнул дядя громким и веселым тоном. – Ты уже успела забыть свое имя! Прекрасно! Будем надеяться, что ты никогда не пожалеешь, что рассталась с ним так поспешно. Но постарайся припомнить его, Валерия.

Дрожащими пальцами я зачеркнула свою первую подпись и написала, весьма некрасиво, свое девичье имя: Валерия Бринтон.

Когда пришла очередь моего мужа, я заметила с удивлением, что его рука тоже дрожала и что он оставил в книге весьма жалкий образец своей обычной подписи: Юстас Вудвил.

Моя тетка, когда пришла ее очередь записать свое имя, покорилась не без протеста.

– Плохое начало, – сказала она, указывая концом пера на мою первую подпись. – Я могу только повторить слова мужа: будем надеяться, что вам не придется сожалеть об этом.

Даже тогда, во дни моего неведения и невинности, суеверие тетки возбудило во мне какое-то неопределенное беспокойство. Муж ободряюще сжал мою руку, веселый голос дяди пожелал мне на прощание счастливой жизни, и это послужило мне утешением. Добрый дядя приехал в Лондон из своего северного прихода, где я нашла приют после смерти моих родителей, только для того, чтобы обвенчать меня, и намеревался уехать с полуденным поездом. Он обнял меня большими сильными руками и поцеловал так громко, что этот поцелуй, наверное, достиг ушей толпы зевак, ожидавших за церковной дверью выхода молодых.

– От всего сердца желаю тебе здоровья и счастья, душа моя, – сказал он. – Ты в таких летах, что можешь выбирать сама, и, – не в обиду вам будь сказано, мистер Вудвил, так как мы с вами друзья недавние, – я молю Бога, Валерия, чтобы выбор твой оказался удачным. Скучно будет нам без тебя, моя милая, но я не жалею. Напротив, если эта перемена в твоей жизни сделает тебя счастливее, я радуюсь. Полно, полно, не плачь, не то тетка последует твоему примеру, а в ее годы это не шутка. К тому же ты рискуешь испортить свою красоту. Осуши глаза, посмотри в зеркало – и ты увидишь, что я прав. Прощай, дитя мое, и да благословит тебя Бог!

Он схватил под руку тетку и поспешно вышел из церкви. Как ни горячо любила я мужа, но сердце мое сжалось, когда дядя вышел.

Затем последовало прощание со старым Бенджаменом.

– Желаю вам счастья, душа моя. Не забывайте меня, – было все, что он сказал, но эти слова напомнили мне милое прошлое в доме моего отца.

Бенджамен обедал у нас по воскресеньям и каждый раз приносил какой-нибудь маленький подарок дочери своего хозяина. Я едва не испортила свою красоту, как выразился дядя, когда подставила щеку для поцелуя своему старому другу, и услышала, что он тихонько вздохнул, как будто и у него были сомнения насчет моего будущего счастья.

Голос мужа заставил меня овладеть собой и дал более счастливое направление моим мыслям.

– Не пора ли нам идти, Валерия? – спросил он.

Я остановила его, чтобы исполнить совет дяди, иными словами, чтобы взглянуть на себя в зеркало.

Что же увидела я в зеркале?

Я увидела в зеркале высокую худую женщину двадцати трех лет. Она не из тех, кто обращает на себя внимание на улице, так как нет у нее ни модных золотых волос, ни модных накрученных щек. Волосы ее черны, и она причесывает их так, как причесывала много лет назад по желанию отца: они откинута со лба наверх и свернуты на макушке простым узлом, как волосы Венеры Медицейской, так что шея остается открытой. Цвет лица ее бледен, кроме минут сильного волнения, на щеках ее никогда не бывает румянца. Ее синие глаза так темны, что их принимают обыкновенно за черные. Брови ее довольно красивы по форме, но слишком темны и резки. Нос ее принадлежит к типу носов, называемых орлиными, и может показаться слишком большим. Рот, самая изящная черта ее лица, очерчен весьма тонко и способен к самым разнообразным выражениям. Что же касается формы лица, оно слишком узко и длинно в нижней половине, слишком широко в верхней, где глаза и лоб. Вся же фигура, отраженная в зеркале, представляет женщину довольно красивую, но слишком бледную и слишком степенную и серьезную в минуты спокойствия и потому не поражающую с первого взгляда, но выигрывающую при втором и иногда даже при третьем взгляде. Что касается ее костюма, он тщательно скрывает, вместо того чтобы подчеркнуть, что она венчалась в это утро. На ней серая кашеми-

ровая туника, отделанная серым шелком, и такая же юбка. На голове ее серая шляпка с бантом из белой кисеи и с пунцовым цветком, завершающим эффект туалета.

Удачно или нет мое описание, судить не мне. Я старалась избежать крайностей тщеславия, самоунижения и самовосхваления. Во всяком случае, хорошо или дурно мое описание, слава Богу, что с ним уже покончено.

А кого вижу я в зеркале рядом с собой?

Я вижу мужчину, который немного ниже меня ростом и имеет несчастье казаться старше своих лет. Над его лбом образовалась преждевременная лысина, в его густой каштановой бороде и длинных усах проглядывает преждевременная седина. В лице его есть румянец, которого нет в моем лице, в фигуре его есть твердость, которой нет в моей фигуре. Он смотрит на меня такими кроткими и нежными глазами, каких я не видела ни у кого. Улыбка его приятна, но появляется редко. Обращение его, спокойное и сдержанное, отличается, однако, силой убеждения, неотразимо привлекательной для женщин. Он немного хромот вследствие раны, полученной несколько лет тому назад, когда он служил на военной службе в Индии, – и как дома, так и вне дома он ходит, опираясь на толстую бамбуковую палку с оригинальным набалдашником. Кроме этого небольшого недостатка, если только это недостаток, в нем нет ничего болезненного, старческого или неловкого. Его легкая хромота – может быть, только для моих пристрастных глаз – имеет какую-то своеобразную прелесть, которую я предпочитаю необузданной подвижности других мужчин. И, наконец, и это главное, я люблю его!

Вот портрет моего мужа, каким он был в день нашей свадьбы.

Зеркало показало мне все, что я хотела знать. Мы выходим наконец из ризницы!

Небо, облачное с самого утра, потемнело еще более, пока мы были в церкви, и дождь уже накрапывает. Зрители смотрят на нас из-под своих зонтов угрюмыми, недовольными взглядами. Мы спешим пробраться мимо них к ожидающему нас экипажу. Ни веселья, ни солнца, ни цветов на нашем пути, ни роскошного завтрака, ни остроумных речей, ни свадебных подарков, ни отцовского или материнского благословения. Печальная свадьба, нечего сказать, и, если верить тетушке Старкуэзер, плохое начало новой жизни.

В поезде было оставлено для нас отдельное купе. Внимательный носильщик в ожидании вознаграждения опускает шторы на обоих боковых окнах и скрывает нас от взглядов любопытных. После нескольких минут ожидания, показавшихся нам нестерпимо долгими, поезд трогается. Муж обнимает меня. «Наконец-то», – шепчет он с такой любовью в глазах, какой не передать никакими словами, и нежно прижимает меня к себе. Моя рука обвивается вокруг его шеи, и мои глаза отвечают его глазам, и губы сливаются в долгий поцелуй, первый поцелуй нашей брачной жизни.

О, какие воспоминания об этом дне встают передо мной, пока я пишу! Я должна осушить глаза и отложить свою рукопись до другого дня.

Глава II

Мысли новобрачной

Мы пробыли в дороге немного более часа, но в нас обоих, незаметно для нас самих, произошла перемена.

Все еще сидя прижавшись друг к другу, рука в руке, голова к голове, мы мало-помалу впали в молчание. Истошил ли он уже краткий, но красноречивый словарь любви? Или же, насладившись страстью говорящею, мы решились, по безмолвному соглашению, испытывать более глубокое и уточненное наслаждение страстью думающею? Я не могу определить, что было этому причиной, я знаю только, что настало время, когда уста наши замкнулись. Мы продолжали путь, каждый погруженный в собственные мысли. Думал ли он только обо мне, как я думала только о нем? До окончания пути я усомнилась в этом, немного позже я узнала наверное, что его мысли были далеко от его молодой жены, что он был занят исключительно самим собой, своим собственным несчастьем.

Что касается меня, тайное сознание, что он наполняет мой ум и мое сердце, было само по себе наслаждением. Я вспоминала нашу первую встречу неподалеку от дома моего дяди.

Наша северная речка, знаменитая своими форелями, извивается, шумя и клубясь, по глубокому оврагу, среди болотистой местности. Был ветреный пасмурный вечер. На западе, под темными тучами, догорал ярко-красный закат. У поворота речки, где вода стоит тихо в глубоком заливе под нависшим берегом, стоял, закидывая удочку, одинокий рыболов. Над ним, на высоком берегу, не замечаемая им, стояла девушка (я сама), нетерпеливо ожидавшая появления форели.

Минута настала, рыба клюнула наживку.

То опуская, то натягивая леску, стремясь подсечь рыбу, рыболов последовал за плененной форелью, пробираясь то по узкой песчаной отмели под крутым берегом, то прямо по неглубокому дну. Я пошла за ним по берегу, следя за состязанием искусства и хитрости между человеком и форелью. Живя у дяди, я заразилась его страстью к разным родам охоты, в особенности к уженью. Устремив глаза на удочку и не обращая ни малейшего внимания на неровную тропинку, по которой я следовала за незнакомцем, я случайно ступила на выдававшийся край берега и мгновенно свалилась в воду.

Расстояние было ничтожное, вода мелкая, дно, к счастью для меня, песчаное. Я испугалась и промокла, но больше не могла ни на что пожаловаться. Через минуту я была уже на суше, сильно сконфуженная своей неосторожностью. Как ни краток был перерыв, форель успела спастись. Услышав мой инстинктивный вскрик, рыболов повернулся, бросил удочку и поспешил ко мне на помощь. В первый раз в жизни мы увидели друг друга лицом к лицу: я – стоя на берегу, он – в мелкой воде передо мной. Я искренне верю, что в то же мгновение, как встретились наши глаза, встретились и наши сердца. Мы забыли, что мы леди и джентльмен, мы глядели друг на друга в молчании.

Я пришла в себя первая. Что я сказала ему?

Я сказала что-то о том, что я не ушиблась, и с жаром попросила его бежать назад и посмотреть, не удастся ли поймать рыбу.

Он ушел неохотно и вскоре вернулся ко мне, конечно, без рыбы. Зная, как был бы огорчен мой дядя на его месте, я начала извиняться с искренним сожалением и, желая искупить свою вину, предложила даже показать ему место ниже по реке, где он мог бы попытаться счастья опять.

Он не хотел и слышать об этом. Он упрашивал меня идти домой и переодеться. Меня нимало не беспокоила моя мокрая одежда, но я послушалась его, сама не зная почему.

Он пошел со мной, мой обратный путь в дом священника был также и его путем в гостиницу. Он приехал в наши края, сказал он мне, настолько же для уединения и спокойствия,

насколько и для ужения. Он видел меня раза два из окна своей комнаты и спросил, не дочь ли я викария.

Я поправила его. Я сказала ему, что викарий женат на сестре моей матери и что он и тетка заменили мне отца с матерью после смерти моих родителей. Он спросил, можно ли ему будет прийти на другой день к доктору Старкуэзеру, прибавив, что у него есть друг, который, если он не ошибается, знаком с викарием. Я пригласила его посетить нас, как будто жила в собственном доме. Я была очарована его глазами и его голосом. До тех пор я несколько раз воображала себя влюбленной то в того, то в другого, но никогда в присутствии других мужчин не чувствовала того, что чувствовала теперь в присутствии этого человека. Сумерки быстро сгущались в ночную тьму, когда он расстался со мной. Я оперлась на калитку нашего сада. Я едва переводила дух. Я не могла думать, сердце мое билось, как будто хотело выскочить. И все это вследствие встречи с незнакомым мужчиной! Я горела от стыда и вместе с тем была невыразимо счастлива.

А теперь, когда прошло несколько недель после нашей первой встречи, он сидел возле меня и был моим на всю жизнь. Я подняла голову с его груди, чтобы взглянуть на него. Я была похожа на ребенка с новой игрушкой, мне хотелось удостовериться, что он действительно мой.

Он не заметил моего движения, он сидел неподвижно в своем углу, погруженный в свои мысли. Обо мне ли он думал?

Я опять опустила голову на его грудь, стараясь не потревожить его. Мои мысли вернулись опять назад и показали мне новую картину в золотой галерее прошлого.

Сценой нового действия был сад при доме викария, временем действия – ночь. Мы сошлись тайно. Мы ходили медленно вдаль от дома, то по темным тропинкам питомника, то по лужайке, облитой сиянием месяца.

Мы уже давно признались во взаимной любви и решили посвятить свою жизнь друг другу. Интересы одного были уже интересами другого, мы уже делили и радость и горе жизни. Я пришла к нему на свидание в эту ночь с тяжелым сердцем и с надеждой найти утешение в его обществе, ободрение в его голосе. Заметив, что я вздохнула, когда он при встрече обнял меня, он тихо повернул мою голову к лунному свету, чтобы прочесть на моем лице волновавшие меня чувства. Как часто читал он на нем мое счастье в первые дни нашей любви!

– Ты принесла дурные вести, ангел мой, – сказал он, нежно поднимая со лба мои волосы. – Я вижу на твоём лице следы тревоги и горя. Я почти желал бы любить тебя меньше, Валерия.

– Почему?

– Потому что тогда я был бы в состоянии возвратить тебе свободу. Мне стоит только уехать отсюда, и дядя твой успокоится, и ты освободишься от всех неприятностей, преследующих тебя теперь.

– Не говори этого, Юстас. Если хочешь, чтобы я забыла свои огорчения, скажи, что ты любишь меня.

Он сказал это поцелуем. Мы насладились минутой полного забвения всех невзгод жизни, полного поглощения друг другом. Я возвратилась к действительности, подкрепленная и успокоенная, вознагражденная за все, что вытерпела, готовая вытерпеть все снова за другой поцелуй. Когда женщина любит, нет ничего, на что бы она не решилась, чего бы она не вытерпела или не сделала.

– Не представили ли они новых возражений против нашего брака? – спросил он, когда мы медленно пошли опять.

– Нет, они покончили с возражениями. Они вспомнили наконец, что я совершеннолетняя и могу решать за себя, но они умоляли меня отказаться от тебя. Тетка, которую я считала довольно жесткой женщиной, плакала сегодня, а я еще никогда не видела ее плачущей. Дядя, всегда добрый со мной, стал добрее, чем когда-либо. Он сказал мне, что я не буду оставлена в день свадьбы, если настою на своем намерении выйти за тебя, что он приедет обвенчать меня,

где бы мы ни решили венчаться, но он горячо просил меня подумать хорошенько о том, что я делаю, согласиться хоть на временную разлуку с тобой, посоветоваться с друзьями, если для меня не довольно его мнения. О, милый мой, они так горячо желают разлучить нас, как будто ты худший, а не лучший из людей.

– Разве со вчерашнего дня случилось что-нибудь, что усилило их недоверие ко мне? – спросил он.

– Да.

– Что же?

– Помнишь, ты однажды говорил дяде об одном вашем общем друге?

– Да, о майоре Фитц-Дэвиде.

– Дядя писал ему.

– Зачем?

Он произнес это слово тоном, до того не похожим на его обычный тон, что голос его показался мне незнакомым.

– Ты не будешь сердиться, когда я отвечу на твой вопрос? – спросила я. – Дядя имел несколько поводов для того, чтобы написать майору, и одним из них было узнать адрес твоей матери.

Юстас внезапно остановился. Я замолчала, чувствуя, что не могу продолжать, не рискуя оскорбить его.

Надо сказать правду, поведение его, когда он впервые объявил дяде о нашей помолвке, было несколько странно. Дядя, естественно, начал расспрашивать о его семействе. Он ответил, что отец его умер, но мать жива. По настоянию дяди он согласился, но очень неохотно, объявить о своей помолвке матери и отправился повидаться с ней, сказав только, что она живет в деревне, но не сообщив нам ее адреса. Через два дня он вернулся с поразительным ответом. Мать его не имела ничего против меня и моих родных, но не могла дать своего согласия на женитьбу сына. И если он исполнит свое намерение жениться на племяннице викария, ни она, ни кто-либо другой из членов ее фамилии, которые все согласны с ней, не будут присутствовать на свадьбе. Когда у Юстаса попросили объяснения этого странного ответа, он сказал, что мать его и сестры желали, чтобы он женился на другой особе, и что они были очень недовольны тем, что он вводит в семью незнакомую им девушку. Это объяснение удовлетворило меня. Мне приятно было узнать, что Юстас предпочел меня другой, но оно не удовлетворило моих дядю и тетку. Дядя заявил мистеру Вудвилу о своем желании написать его матери или повидаться с ней, чтобы узнать от нее самой о причине ее странного ответа. Но мистер Вудвил отказался наотрез сообщить адрес своей матери, уверяя, что вмешательство викария было бы бесполезно. Такая скрытность показалась дяде подозрительной. Он отказался одобрить возобновленное предложение мистера Вудвила и в тот же день отправил письмо, полное расспросов о нем, своему другу, майору Фитц-Дэвиду.

При таких обстоятельствах объяснение побуждений дяди было делом весьма щекотливым. Юстас помог мне, задав вопрос, на который я могла ответить без затруднения.

– Получил твой дядя ответ от майора Фитц-Дэвида?

– Получил.

– Читала ты его?

Голос его упал, на лице выразилось внезапное страдание, которое мне больно было видеть.

– Я принесла ответ, чтобы показать его тебе. Вот он.

Юстас почти вырвал письмо из моих рук и повернулся ко мне спиной, чтобы прочесть его при лунном свете. На это потребовалось не много времени. Ответ был краток. Я сразу запомнила его слово в слово и могу повторить теперь.

«Многоуважаемый викарий,

Мистер Юстас Вудвилл был совершенно прав, сказав вам, что он джентльмен по происхождению и по общественному положению и что он наследовал от отца независимое состояние, приносящее ему две тысячи годового дохода.

Преданный вам Лоренц Фитц-Дэвид».

– Можно ли желать более ясного ответа, – сказал Юстас, возвращая мне письмо.

– Если бы я справлялась о тебе, этот ответ удовлетворил бы меня.

– Разве он не удовлетворил дядю?

– Нет.

– Что же говорит викарий?

– Зачем тебе знать это, мой милый?

– Мне нужно знать. В этом деле между нами не должно быть секретов. Сказал что-нибудь дядя, показывая тебе ответ майора?

– Сказал.

– Что?

– Он сказал, что его письмо состояло из трех страниц расспросов о тебе, и обратил мое внимание на то, что ответ майора состоит только из одной фразы. Он сказал еще: «Я вызывался побывать у майора, чтобы расспросить его лично, но ты видишь, что он даже не отвечает на мое предложение. Я просил его сообщить мне адрес матери мистера Вудвила – он на это отвечает молчанием. Он ограничивается кратчайшим подтверждением голых фактов. Обратись к своему здравому смыслу, Валерия. Такая нелюбезность – нечто необычайное со стороны человека, которого все справедливо считают джентльменом по происхождению и по воспитанию и который, кроме того, мне друг».

Юстас прервал меня:

– Что ты ответила на вопрос дяди?

– Я сказала только, что не понимаю образа мыслей майора.

– Что сказал дядя? Если любишь меня, говори правду.

– Дядя был очень резок. Но он старый человек, ты не должен сердиться на него.

– Я не сержусь. Что он сказал?

– Он сказал: «Запомни мои слова, Валерия. Майор знает что-то, касающееся мистера Вудвила или его семейства, но считает себя не вправе открывать это. Письмо его, правильно истолкованное, есть не что иное, как предостережение. Покажи его мистеру Вудвилу и, если хочешь, повтори ему мои слова».

Юстас прервал меня опять.

– Ты вполне уверена, что дядя сказал эти слова? – спросил он, пристально вглядываясь в мое лицо при лунном свете.

– Вполне уверена. Но я не думаю так. Не сомневайся во мне.

Он порывисто прижал меня к груди. Взгляд его испугал меня.

– Прощай, Валерия, – сказал он. – Постарайся думать обо мне снисходительно, когда будешь замужем за другим.

Он повернулся, чтобы уйти от меня. Я ухватила за него с отчаянием.

– Я твоя и только твоя. Что сказала я, что я сделала, чтобы заслужить эти ужасные слова?

– Мы должны расстаться, ангел мой, – отвечал он с грустью. – Ты не виновата ни в чем. Можешь ли ты выйти замуж за человека, которому не доверяют твои ближайшие друзья? Моя жизнь была тяжелой. Я не внушил ни одной женщине той симпатии и дружбы, которые нашел в тебе. Тяжело лишиться тебя и обречь себя опять на одиночество! Но я должен принести эту жертву ради тебя, моя любимая. Я тоже удивлен ответом майора. Но как поверит мне твой дядя? Поверят ли мне твои друзья? Прости мне мою любовь. Прости меня и позволь мне уйти.

Я ухватилась за него отчаянно и бессознательно. Взгляд его заставил меня забыть о себе. Его слова повергли меня в отчаяние.

– Куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой, – сказала я. – Друзья, репутация, – мне нет дела, кого или чего я лишусь. Я не могу жить без тебя. Я должна быть и буду твоей женой.

Эти порывистые слова были единственными, которые я смогла сказать, прежде чем мое горе нашло исход в слезах.

Он уступил. Он успокоил меня своим удивительным голосом, своими ласками. Он призывал небо в свидетели, что посвятит всю жизнь мне. Он поклялся, что единственной целью его жизни будет сделаться достойным такой любви, как моя. И разве он не исполнил своего обещания? Разве за клятвой этой ночи не последовала клятва перед Богом у алтаря? О, какая жизнь была передо мной! Какое неземное счастье выпало на мою долю!

Я снова подняла голову с его груди, чтобы еще раз испытать наслаждение, видя рядом с собой его – мою жизнь, мою любовь, моего мужа.

Я прикоснулась щекой к его щеке и прошептала:

– Как я люблю тебя!

И тут сердце мое замерло. Что почувствовала я на своей щеке? Слезу!

Он все еще сидел, отвернувшись от меня. Я повернула к себе его лицо, несмотря на его сопротивление, и увидела, что глаза моего мужа в день нашей свадьбы были полны слез.

Глава III

Ремзгейт

Юстасу удалось успокоить меня, но не скажу, что ему удалось рассеять мои сомнения.

Он сказал мне, что думал о контрасте между его прежней жизнью и настоящей. Горькие воспоминания о прошлом возбудили в нем сомнение, способен ли он сделать меня счастливой. Он спрашивал себя, не слишком ли поздно встретился со мной, не стал ли он уже из-за всех прошлых огорчений и неудач человеком разочарованным и разбитым. Такие мысли вызвали слезы на его глазах. Но он умоляет меня ради моей любви к нему постараться забыть об этом случае навсегда.

Я утешила, ободрила его, но по временам воспоминание об этих слезах мучило меня, и я спрашивала себя, был ли муж мой так же откровенен со мной, как я с ним.

Мы сошли с поезда в Ремзгейте.

Любимое английское побережье было пусто, сезон только что кончился. В наш план путешествия после свадьбы входила прогулка по Средиземному морю на яхте, которую предложил Юстасу один его друг. Мы оба любили море и, кроме того, вследствие обстоятельств, сопровождавших наш брак, оба желали избежать встреч с родными и знакомыми. С этой целью, обвенчавшись тайно в Лондоне, мы решили уведомить капитана яхты, чтобы он ожидал нас в Ремзгейте. Из этого порта мы могли отплыть незаметнее, чем из многолюдного порта на острове Уайте.

Прошло три дня восхитительного уединения и невыразимого счастья, три дня, которые не забудутся нами и не повторятся для нас за всю нашу жизнь.

Рано утром на четвертый день случилось обстоятельство, в сущности, ничтожное, но удивившее меня.

Я проснулась внезапно и беспричинно от глубокого безмятежного сна с чувством какого-то странного нервного беспокойства, которого никогда не испытывала прежде. В доме викария мой крепкий сон был предметом многих безобидных шуток. С той минуты, как голова моя опускалась на подушку, и до тех пор, пока не раздавался стук горничной в мою дверь, я не просыпалась никогда. Во всякое время и при всяких обстоятельствах моей жизни я спала долгим беспробудным сном ребенка.

Теперь же я проснулась без всякой определенной причины за несколько часов до моего обычного времени. Я попыталась успокоиться и заснуть опять, но сон не возвращался. Я была в таком тревожном состоянии, что не могла лежать спокойно в постели. Муж спал крепким сном возле меня. Я встала, стараясь не потревожить его, и надела блузу и туфли.

Я подошла к окну. Солнце всходило на тихое серое небо. На некоторое время великолепное зрелище успокаивающе подействовало на мои нервы, но скоро прежнее беспокойство опять овладело мной. Я начала ходить взад и вперед по комнате, но монотонное движение скоро утомило меня. Взяла книгу, но внимание мое блуждало, автор не был в силах привлечь его. Я встала и поглядела с нежностью на Юстаса, радуясь его крепкому сну. Потом я подошла опять к окну, но картина прекрасного утра не произвела на меня в этот раз никакого впечатления. Я перешла к зеркалу и взглянула на себя. Какой у меня был утомленный и болезненный вид из-за того, что я проснулась раньше времени. Я повернулась и поглядела вокруг себя, не зная, что делать. Заключение в четырех стенах комнаты начало казаться мне нестерпимым. Я отворила дверь и перешла в уборную мужа, надеясь, что перемена комнаты успокоит меня.

Первое, что бросилось мне в глаза, была его туалетная шкатулка на туалетном столе. Она была открыта.

Я вынула из одного отделения флаконы, банки, щетки, гребни, ножи и ножницы, из другого письменные принадлежности. Я понюхала банки и флаконы и тщательно вытерла их плат-

ком. Мало-помалу я совершенно опустошила шкатулку. Она была обита голубым бархатом. В одном углу я заметила тонкий голубой шнурок. Я потянула его и увидела, что доска, которую я считала дном шкатулки, была крышкой секретного отделения для писем и бумаг. В моем странном состоянии духа – капризная, праздная, любопытная – я для развлечения решила вынуть и бумаги, как вынула все прочее.

Я нашла несколько уплаченных счетов, несколько не интересных для меня, несколько писем, которые я, конечно, отложила в сторону, взглянув только на адреса, и в самом низу фотографический портрет, лицом вниз и с надписью на обороте. Я взглянула на надпись и прочла:

«Моему милому сыну Юстасу».

Его мать! Женщина, так упорно и безжалостно противившаяся нашему браку!

Я поспешно перевернула портрет, ожидая увидеть женщину с наружностью строгой, сердитой, повелительной. К удивлению моему, я увидела лицо, сохранившее следы замечательной красоты, лицо, хотя и выражавшее необыкновенную твердость, но вместе с тем доброе, нежное, привлекательное. Седые волосы, спереди мелкими локонами спускавшиеся по обеим сторонам лица, сзади были спрятаны под шелковую сетку. С одной стороны рта было какое-то пятнышко, вероятно родинка, довершавшее отличительную особенность лица. Я глядела и глядела, стараясь запечатлеть в памяти это лицо, и все более и более убеждалась, что женщина, оскорбившая меня и моих родных, обладала необычайной привлекательностью.

Я впала в глубокую задумчивость. Моя находка успокоила меня, как не могло бы успокоить ничто другое.

Бой часов внизу напомнил мне о ходе времени. Я тщательно уложила опять в шкатулку все вынутые вещи, начав с портрета, в том порядке, как нашла их, и вернулась в спальню. Когда я взглянула опять на мужа, все еще спавшего спокойным сном, в уме моем возник вопрос: почему его добрая, кроткая мать так упорно старалась разлучить нас, почему она так решительно и безжалостно восстала против женитьбы сына?

Могла ли я задать этот вопрос Юстасу, когда он проснулся? Нет. Я не решилась на это. У нас было безмолвно решено не говорить никогда о его матери, и, кроме того, он мог рассердиться, узнав, что я открыла потайное отделение его шкатулки.

В этот день после завтрака мы получили наконец известие о яхте. Она прибыла благополучно в гавань, и капитан ее ожидал распоряжений моего мужа.

Юстасу не хотелось, чтобы я сопровождала его на яхту. Ему придется, сказал он, осмотреть инвентарь судна и решать вопросы, неинтересные для меня. Он спросил, не подожду ли я его возвращения дома. Но день был великолепный, и я выразила желание погулять по берегу, а хозяйка нашей квартиры, случайно вошедшая в это время в комнату, вызвалась сопровождать меня и заботиться обо мне. Решено было, что мы пройдем сколько нам вздумается по направлению к Бродстерсу и что Юстас, окончив свои распоряжения на яхте, присоединится к нам.

Полчаса спустя я и хозяйка были уже на берегу.

Картина, окружавшая нас в это тихое осеннее утро, была в полном смысле слова восхитительная. Легкий морской ветерок, светлое небо, блестящее синее море, освещенные солнцем холмы, ряды судов, скользивших по большой морской дороге Британского канала, – все это было так прекрасно, что я способна была бы прыгать от восторга как ребенок, если была бы одна. Единственной неприятностью, нарушавшей мое блаженство, была болтовня моей спутницы. Эта добрая, прямая, но глупая женщина говорила без умолку, не обращая внимания, слушаю я ее или нет.

Спустя полчаса или немного более после выхода из дома мы нагнали пожилую леди, шедшую впереди нас по берегу.

В ту самую минуту, как мы поравнялись с ней, она вынула из кармана носовой платок и нечаянно обронила письмо, но, не заметив этого, продолжала идти дальше. Я подняла письмо и возвратила его старой леди.

Взглянув на ее лицо, когда она повернулась ко мне, выражая свою благодарность, я остолбенела. Передо мной стоял оригинал портрета, найденного мной в шкатулке мужа! Передо мной, лицо к лицу, стояла мать моего мужа! Я узнала ее седые волосы, приветливое выражение лица, родинку в углу рта. Сомнения быть не могло: я встретила с матерью Юстаса.

Старая леди, естественно, приписала мое смущение стыдливости и с большим тактом и снисходительностью вступила в разговор со мной. Через минуту я уже шла рядом с женщиной, так решительно отказавшейся принять меня в свою семью. Я была в сильном смущении. Я спрашивала себя, могу ли я и должна ли я в отсутствие мужа сказать его матери, кто я.

Хозяйка моя, шедшая по другую сторону моей свекрови, решила этот вопрос за меня. Я заметила, что мы, вероятно, уже подходим к цели нашей прогулки, к местечку, называемому Бродстерс.

– О нет, миссис Вудвил! – воскликнула эта неугомонная женщина. – Бродстерс вовсе не так близко, как вы думаете.

К моему невыразимому изумлению, мое имя не произвело никакого впечатления на мою свекровь. Старая миссис Вудвил продолжала говорить с молодой миссис Вудвил, как будто до сих пор никогда не слыхала своего собственного имени!

Мое лицо, вероятно, выражало волнение. Взглянув на меня, старая леди остановилась и сказала с участием:

– Я боюсь, что вы утомились. Вы ужасно бледны. Пойдемте, сядем там. Позвольте мне предложить вам мой флакон с солью.

Я машинально последовала за ней. Мы уселись на обломках известняка. Я как сквозь сон слышала выражения симпатии и сожаления моей болтливой хозяйки, машинально взяла флакон с солью, предложенный мне моей свекровью, продолжавшей обращаться со мной как с чужой, несмотря на то, что мое имя было уже известно ей.

Если бы я могла думать только о себе, я, вероятно, потребовала бы объяснений немедленно. Но я должна была думать о муже. Я не имела ни малейшего понятия о его отношениях с матерью. Что могла я сказать?

Между тем старая леди продолжала говорить с самым внимательным участием к моему положению. Она тоже устала, сказала она. Она провела тяжелую ночь у постели больной. Только накануне получила она телеграмму, уведомившую ее, что одна из ее сестер опасно больна. Сама она, слава Богу, все еще сильна и бодра, и она сочла своей обязанностью отправиться к сестре немедленно. К утру состояние больной улучшилось.

– Доктор уверил меня, что в данный момент опасности нет, и я вышла погулять, надеясь, что морской воздух восстановит мои силы.

Я слушала ее, понимала смысл ее слов, но была слишком смущена, чтобы поддерживать разговор. Хозяйке пришла в голову счастливая мысль, и она не замедлила заговорить.

– Вон идет какой-то джентльмен, – сказала она, указывая в сторону Ремзгейта. – Вы не в состоянии вернуться домой пешком. Не попросить ли нам его прислать извозчика из Бродстерса?

Джентльмен между тем подошел ближе.

Я и хозяйка узнали его. То был Юстас, вышедший нам навстречу, как мы условились. Неугомонная хозяйка поспешила выразить свои чувства.

– О, какое счастье, миссис Вудвил! Ведь это сам мистер Вудвил!

Я взглянула на свою свекровь. Опять имя не произвело на нее никакого впечатления. Ее зрение было слабее нашего, она еще не узнала сына, у него же, как и у нас, глаза были молодые,

он узнал мать. С минуту он стоял ошеломленный, потом, не спуская с нее глаз, смертельно бледный от сдерживаемого волнения, подошел к ней.

– Вы здесь! – воскликнул он.

– Как поживаешь, Юстас? – проговорила она спокойно. – Разве ты тоже узнал, что твоя тетка заболела в Ремзгейте?

Он не ответил. Наша хозяйка, выведя из последних слов неизбежное заключение, смотрела на меня и на мою свекровь в таком изумлении, что даже ее болтливый язык был парализован. Я стояла в тревожном ожидании. Вся моя будущность зависела от следующей минуты. Если бы Юстас не представил меня матери немедленно, я стала бы презирать его.

Он не промедлил ни минуты. Он тотчас же подошел ко мне и взял мою руку.

– Знаете вы, кто эта особа? – обратился он к матери.

Она взглянула на меня с учтивым поклоном.

– Это молодая особа, которую я встретила на берегу. Она была так добра, что возвратила мне письмо, которое я обронила. Я, кажется, слышала ее имя, – сказала она, обращаясь к хозяйке. – Миссис Вудвил, не правда ли?

Муж бессознательно сжал мою руку до боли. Надо отдать ему справедливость, он объявил матери истину без малейшего колебания.

– Матушка, – сказал он спокойным тоном, – эта особа – моя жена.

Она до сих пор сидела. Теперь она медленно встала и безмолвно устремила глаза на сына. Выражение изумления, появившееся сначала на ее лице, сменилось сильнейшим негодованием и презрением.

– Жалею твою жену, – сказала она.

И с этими словами она сделала ему рукой знак, чтобы он не приближался к ней, и пошла назад одна.

Глава IV

На обратном пути

Оставшись одни, мы с минуту молчали. Юстас заговорил первый.

– В силах ты идти домой пешком? – спросил он. – Не пойти ли нам в Бродстерс, чтобы вернуться в Ремзгейт по железной дороге?

Он сказал это таким спокойным тоном, как будто не случилось ничего особенного. Но глаза и губы выдали его. Они показали мне, что в глубине души он испытывал сильное страдание. Что касается меня, только что случившаяся странная сцена вместо того, чтобы лишить меня последнего мужества, укрепила мои нервы и возвратила мне самообладание. Я была бы не женщиной, если бы странное поведение матери моего мужа не оскорбило моего достоинства и не раздражило моего любопытства до крайней степени. Почему она презирала его и жалела меня? Чем объяснить то, что мое имя не произвело на нее никакого впечатления? Почему она ушла от нас с таким видом, как будто одна мысль о том, чтобы остаться с нами, была нестерпима для нее? Разгадать эти тайны было теперь главной целью моей жизни. Идти пешком? Я была в таком лихорадочном возбуждении, что могла бы дойти пешком до конца света с условием, чтобы муж шел рядом со мной и я могла бы расспрашивать его.

– Я отдохнула, – ответила я. – Мы пойдем домой пешком.

Юстас взглянул на нашу хозяйку. Она поняла его.

– Я не намерена мешать вам, сэр, – сказала она резко. – У меня есть дело в Бродстерсе, и я, кстати, схожу теперь туда. Прощайте, миссис Вудвил.

Она сделала заметное ударение на моем имени и на прощание мигнула мне, но я в то время была слишком занята другим, чтобы понять, что она хотела этим сказать. Попросить же у нее объяснения я не успела, потому что она оставила нас так же поспешно, как моя свекровь, и быстрыми шагами пошла в сторону Бродстерса.

Мы остались наконец вдвоем. Я спросила его прямо:

– Что означает поведение твоей матери?

Вместо того чтобы ответить мне, он залился хохотом, громким, грубым, резким хохотом, до того не похожим на его обычный смех, до того не соответствовавшим его характеру, как я его понимала, что я остановилась в изумлении и без церемоний сделала ему замечание:

– Юстас, что с тобой? Ты не похож на себя. Ты пугаешь меня.

Он не обратил внимания на мои слова. Он, по-видимому, был занят какими-то забавными соображениями.

– Как это похоже на мою мать, – сказал он веселым тоном. – Расскажи мне все, что было между вами.

– Рассказывать тебе? Я полагаю, что после всего случившегося твое дело рассказывать мне.

– Ты не понимаешь, как это смешно? – спросил он.

– Я не только не вижу тут ничего смешного, я думаю, что поведение и слова твоей матери дают мне право просить у тебя серьезного объяснения.

– Милая моя Валерия. Если бы ты знала мою мать так, как я ее знаю, тебе не пришлось бы в голову просить у меня серьезного объяснения ее поступков. Относиться серьезно к моей матери! – Он захохотал опять. – Милая моя, ты не понимаешь, как ты смешишь меня!

Все это было фальшиво, неестественно. Он, деликатнейший из людей, джентльмен в высшем смысле этого слова, был теперь груб, шумен, вульгарен. Сердце мое замерло от внезапного подозрения, которого я не могла заглушить при всей моей любви к мужу. В невообразимом испуге и смущении я спросила себя: не начинает ли он обманывать меня на четвертый день после нашей свадьбы? Не играет ли он роль? Я пытаюсь понять его, встать на его точку зрения.

– Ты говоришь, что я не понимаю твою мать, – сказала я примирительным тоном. – Так помоги мне понять ее.

– Помочь тебе понять женщину, которая сама себя не понимает, – дело нелегкое, однако я попробую. Основная черта характера моей бедной матери – его эксцентричность.

Если бы он умышленно выбрал самое неподходящее слово из всего лексикона для обозначения отличительной особенности старой леди, которую я встретила на берегу, это слово было бы «эксцентричность». Всякий ребенок на моем месте понял бы, что он грубо искажает истину.

– Запомни это, – продолжал он, – и, если хочешь понять мою мать, сделай то, о чем я сейчас просил тебя, расскажи мне все, что было между вами. Как случилось, что вы заговорили?

– Твоя мать рассказала об этом. Я шла позади нее, когда она нечаянно обронила письмо.

– Вовсе не нечаянно, – прервал он. – Письмо было выронено умышленно.

– Не может быть! – воскликнула я. – Для чего было твоей матери ронять его умышленно?

– Помни то, что я сказал тебе о ее характере, друг мой. Эксцентричность! Станный способ познакомиться с тобой.

– Познакомиться со мной?! Я только что сказала тебе, что я шла позади нее. Она не могла даже знать о моем существовании, пока я не заговорила с ней.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверена.

– Извини меня, ты не знаешь мою мать так, как я ее знаю.

Я начала терять терпение.

– Не скажешь ли ты, что она вышла гулять для того, чтобы познакомиться со мной?

– Я не сомневаюсь в этом, – отвечал он холодно.

– Да она даже не узнала моего имени, – воскликнула я. – Два раза хозяйка наша назвала меня при ней «миссис Вудвил», и, уверяю тебя честным словом, что оба раза это имя не произвело на твою мать ни малейшего впечатления. Она глядела и держала себя так, будто никогда до сих пор не слыхала своего собственного имени.

– «Держала себя» – выражение точное. Актрисы – не единственные женщины, умеющие играть роль, – продолжал он так же спокойно, как и прежде. – Целью моей матери было узнать тебя как можно лучше и для этого захватить тебя врасплох, притворившись чужой. Этот косвенный путь для удовлетворения своего любопытства вполне в характере моей матери. Если бы я не присоединился к вам, она расспросила бы тебя подробно о тебе самой и обо мне, и ты удовлетворила бы ее любопытство, убежденная, что говоришь с посторонней. Вот какова моя мать. Вспомни, что она враг твой, а не друг, и что ей хотелось узнать не достоинства твои, а недостатки. И ты удивляешься после этого, что твое имя не произвело на нее никакого впечатления! О невинность! Ты видела мою мать естественной только в ту минуту, когда я положил конец ее мистификации, представив вас друг другу. Ты видела, как она рассердилась. Теперь ты понимаешь причину.

Я дала ему договорить, не прервав его ни одним словом. Но с какой болью в сердце, с каким мучительным разочарованием слушала я его! Идол, которому я поклонялась, товарищ, руководитель, покровитель моей жизни – как мог он упасть так низко, как мог он снизойти до такой постыдной изворотливости?

Была ли хоть ничтожная доля правды во всем, что он сказал мне? Да. Если бы я не видела прежде портрета его матери, я действительно не узнала бы ее, я не могла бы догадаться, что это она. Все остальное было ложью, грубой ложью. Одно только говорило в его пользу: было ясно, что он не привык лгать и обманывать. Праведное небо! Если муж мой был прав, мать его должна была проследить нас до Лондона, проследить нас до церкви, до станции железной дороги, проследить нас до Ремзгейта. Уверять, что она по лицу моему узнала, что я жена ее

сына, что она поджидала меня на берегу, что она выронила письмо для того, чтобы познакомиться со мной, уверять, что все эти невероятные совпадения были заранее подготовлены!

Я не сказала ничего. Я шла молча, в мучительном убеждении, что между мной и мужем стоит какая-то семейная тайна. Духом, если не телом, мы уже разлучились, разлучились на четвертый день брачной жизни. Он взял мою руку.

– Валерия, разве тебе нечего сказать мне?

– Нечего.

– Ты недовольна моим объяснением?

Я заметила слабую дрожь в его голосе. Я не из тех женщин, которые плачут при малейшем волнении, – слезы, вероятно, не в моем темпераменте. Но когда я заметила непритворную перемену в его голосе и вспомнила, не знаю почему, счастливый день, когда я впервые призналась ему в любви, я заплакала.

Он остановился, взял мою руку, пытался заглянуть в лицо.

Я стояла с опущенной головой, с глазами, потупленными в землю. Я стыдилась своей слабости и не хотела взглянуть на него. Он внезапно упал на колени к моим ногам с криком отчаяния, пронзившим меня как нож:

– Валерия! Я негодай, я обманщик, я недостойн тебя! Не верь ни одному слову из того, что я сказал тебе, все это ложь, малодушная, презренная ложь! Ты не знаешь, что я пережил, ты не знаешь, какие мучения я вытерпел. Милая моя, постарайся не презирать меня. Я был вне себя, когда решился обмануть тебя. Ты была оскорблена и рассержена, я не знал, как мне поступить. Я хотел избавить тебя даже от минутного огорчения. Ради Бога, не спрашивай у меня ничего больше. Возлюбленная моя! Ангел мой! Моя тайна касается только меня и моей матери, тебе нет дела до нее, никому теперь нет дела до нее. Я люблю тебя, я обожаю тебя, все мое сердце, вся душа моя принадлежат тебе. Забудь то, что случилось. Ты никогда больше не увидишься с моей матерью. Мы завтра же уедем отсюда. Не все ли равно, где мы будем жить, пока живем друг для друга? Забудь и прости! Забудь и прости!

Невыразимое горе было в его лице, невыразимое горе было в его голосе. Примите это в соображение и вспомните, что я любила его.

– Простить легко, Юстас, – отвечала я грустно. – Ради тебя я постараюсь и забыть.

С этими словами я ласково подняла его. Он молча целовал мои руки. Чувство взаимного стеснения, когда мы медленно пошли дальше, было так нестерпимо, что я начала искать предмет для разговора, как будто была в обществе чужого человека. Из сострадания к нему я попросила его рассказать мне о яхте.

На эту жалкую тему он говорил, говорил, как будто жизнь его зависела от того, чтобы он не умолк ни на минуту во всю остальную часть обратного пути. Как тяжело мне было слушать его! Знаю, какое усилие делал он над собой, он, от природы задумчивый и молчаливый; я понимала, как велико было его страдание. Мне стоило большого труда сохранить самообладание, пока мы не пришли домой. Но дома я вынуждена была пожаловаться на усталость и попросить его дать мне отдохнуть в уединении моей комнаты.

– Так мы отправимся в море завтра? – крикнул он мне, когда я поднималась по лестнице.

Отправиться с ним на следующий день в Средиземное море, провести несколько недель вдвоем в тесных пределах яхты и с его тайной, которая с каждым днем будет все больше и больше удалять нас друг от друга? Я содрогнулась при одной мысли об этом.

– Боюсь, что я не успею собраться до завтра, – возразила я. – Не можешь ли ты дать мне еще немного времени?

– Сколько тебе угодно, – отвечал он не совсем довольным тоном, как мне показалось. – Между тем, пока ты будешь отдыхать, я схожу опять на яхту, там еще есть кое-какое дело. Не могу ли я сделать что-нибудь для тебя, пока не уйду, Валерия?

– Нет, Юстас, благодарю тебя.

Он ушел тотчас же. Боялся ли он остаться наедине с самим собой? Казалось ли ему даже общество капитана яхты и буфетчика лучше одиночества?

Бесполезные вопросы. Что знала я о нем и о его мыслях?

Я заперлась в своей комнате.

Глава V

Открытие хозяйки

Я села и попробовала собраться с мыслями. Теперь или никогда должна я была решить, как повелевал мне поступить мой долг относительно мужа и относительно самой себя.

Тщетное усилие. Измученная и нравственно и физически, я не могла связать двух мыслей. Я только смутно чувствовала, что если я оставлю дела в том положении, в каком они были, то никогда впоследствии не буду в состоянии рассеять тень, омрачившую мою замужнюю жизнь, так счастливо начавшуюся. Мы могли бы жить вместе для соблюдения приличий, но забыть случившееся или быть довольной своим положением было выше моих сил. Мое спокойствие как женщины, мои интересы как жены зависели от разъяснения причины странного поведения моей свекрови и смысла диких слов покаяния и самоосуждения, с которыми обратился ко мне муж на пути домой.

Вот все, что я могла сообразить для определения своего положения. Но когда я спросила себя, что мне следовало делать, я почувствовала себя самой неспособной, самой беспомощной женщиной в мире.

Я отказалась от тщетного усилия. Я бросилась на постель в безнадежном отчаянии и от утомления заснула беспокойным, прерывистым сном.

Стук в дверь моей комнаты разбудил меня.

Не муж ли? При этой мысли я вскочила с постели. Не готовится ли какое-нибудь новое испытание моему терпению и мужеству? Полуиспуганно, полусердито я спросила:

– Кто там?

Мне ответил голос хозяйки:

– Могу я войти к вам на несколько слов?

Я отворила дверь. Признаюсь, хотя я любила его горячо, хотя я оставила ради него дом и друзей, в эту несчастную минуту я обрадовалась, узнав, что стучалась хозяйка, а не Юстас.

Она вошла и без приглашения уселась рядом со мной. Ей было уже мало держать себя со мной как с равной. Поднявшись ступенью выше по общественной лестнице, она стала на платформу покровительства и глядела на меня с милостивым сожалением.

– Я только что вернулась из Бродстерса, – начала она. – Надеюсь, что вы будете настолько справедливы ко мне, что поверите моему искреннему сожалению о случившемся.

Я поклонилась и промолчала.

– Я сама благородная женщина, хотя я и вынуждена из-за семейных несчастий сдавать внаем квартиры, и как благородная женщина я искренне сочувствую вам. Этого мало, я даже возьму на себя сказать, что я не осуждаю вас. Нет, нет! Я хорошо видела, что вы были поражены и сконфужены поведением вашей свекрови. Тем не менее на мне лежит обязанность, которую я должна исполнить, очень неприятная обязанность, но тем не менее обязанность. Я женщина одинокая – не по невозможности переменить мое положение, прошу вас заметить это, но по собственному желанию, – и как одинокая женщина я принимала в свой дом только людей самых почтенных. В положении моих жильцов не должно быть тайн. Тайна в жизни жильца – как бы мне выразиться, чтобы не оскорбить вас? – это некоторое пятно. Теперь я обращаюсь к вашему собственному здравому смыслу. Можно ли ожидать от особы в моем положении, чтоб она добровольно пошла на это? Я предлагаю вам этот вопрос в самом сестринском и христианском духе. Вы сами как благородная женщина, я скажу даже, как жестоко обманутая благородная женщина, вы, я уверена, поймете...

Я потеряла терпения и прервала ее.

– Я понимаю, что вы хотите отказать нам от квартиры, – сказала я. – Какой срок вы нам назначаете?

Хозяйка выразила свой сестринский протест, протянув мне свою длинную, костлявую, красную руку.

– Нет, – сказала она. – Оставьте этот тон, оставьте этот взгляд. Немудрено, что вы встревожены, немудрено, что вы рассержены, но постарайтесь, пожалуйста, овладеть собой. Я обращаюсь к вашему здравому смыслу: положим, что я назначу вам для выезда недельный срок. Почему вам не смотреть на меня как на друга? Вы не знаете, какую жестокую жертву я принесла для вас.

– Вы! – воскликнула я. – Какую жертву?

– Какую жертву? – повторила хозяйка. – Я унизила свое достоинство, я уронила свое самоуважение. – Она остановилась на минуту и схватила мою руку в неудержимом порыве дружбы. – О, бедная моя, я узнала все! Вы обмануты негодяем, вы такая же замужняя, как я.

Я вырвала у нее руку и в негодовании вскочила со стула.

– С ума вы сошли? – спросила я.

Хозяйка подняла глаза к потолку с видом мученицы, добровольно подвергающейся пытке.

– Да, я сама начинаю думать, что я сошла с ума. Действительно, надо потерять рассудок, чтобы служить женщине неблагодарной, женщине, которая не ценит сестринского и христианского самопожертвования. Хорошо! Я не сделаю этого вторично. Да простит мне Господь, но я не сделаю этого вторично.

– Чего вы не сделаете вторично?

– Не буду шпионить за вашей свекровью, – воскликнула она, внезапно выйдя из роли мученицы и превратившись в фурию. – Я краснею, когда вспоминаю о том, что я сделала. Я проследила эту почтеннейшую особу до самой двери ее квартиры.

До сих пор гордость поддерживала меня, но при последних словах я беспомощно опустилась на стул, не скрывая более своего испуга и волнения.

– Я мигнула вам, уходя от вас, – продолжала хозяйка, делаясь все шумнее и краснее по мере продолжения своего рассказа. – Благодарная женщина поняла бы, что я хотела этим сказать. Но бог с вами. Я не сделаю этого в другой раз. Я догнала вашу свекровь около ущелья. Я последовала за ней – о, как я теперь сознаю низость своего поступка! – я последовала за ней на Бродстерскую станцию железной дороги. Она вернулась в Ремзгейт с ближайшим поездом. Я тоже вернулась в Ремзгейт с ближайшим поездом. Она отправилась пешком на свою квартиру. Я последовала за ней, идя позади нее, как собака. О, какой позор! По воле Провидения, как я думала тогда, – теперь же я не знаю, что и думать об этом, – хозяин дома оказался моим хорошим знакомым и был дома. Между нами нет секретов относительно наших жильцов, и вследствие этого, сударыня, я могу сказать вам настоящее имя вашей свекрови. Хозяин не знает никакой миссис Вудвил. Имя его жилицы (а следовательно, и имя ее сына) вовсе не Вудвил, а Макаллан. Миссис Макаллан, вдова покойного генерала Макаллана. Да! Муж ваш не муж вам, а вы – не девушка, не замужняя и не вдова. Вы хуже, чем ничто, сударыня, и я прошу вас оставить мою квартиру.

Она хотела выйти, но я остановила ее. Она затронула меня за живое. Сомнение, брошенное ею на мой брак, было нестерпимо.

– Дайте мне адрес миссис Макаллан, – сказала я.

Гнев хозяйки уступил место удивлению.

– Неужели вы хотите отправиться к ней? – спросила она.

– Никто, кроме моей свекрови, не может сказать мне того, что мне нужно знать, – отвечала я. – Ваше открытие может казаться удовлетворительным вам, но оно не кажется удовлетворительным мне. Почему мы знаем, что миссис Макаллан не была замужем два раза и что имя ее первого мужа не было Вудвил?

Изумление хозяйки в свою очередь уступило место любопытству. В сущности, как я уже сказала, она была добрая женщина, и, как у всех добрых людей, ее вспышки гнева были непродолжительны.

– Мне это и не пришло в голову, – сказала она. – Вот что. Если я дам вам адрес, обещаете вы рассказать мне по возвращении все, что узнаете?

Я дала требуемое обещание и взамен получила адрес.

– Вы не сердитесь? – спросила хозяйка с прежней фамильярностью.

– Нисколько, – ответила я так дружески, как только могла.

Десять минут спустя я была у двери квартиры моей свекрови.

Глава VI

Мое собственное открытие

К счастью для меня, дверь была отворена не хозяином дома, а глупой служанкой, которая впустила меня, не спросив даже моего имени. Сказав мне, что миссис Макаллан дома и одна, она повела меня наверх и ввела в гостиную без доклада.

Свекровь моя сидела перед рабочим столиком, занятая вязаньем. Увидев меня, она отложила работу в сторону, встала и сделала мне знак дать ей говорить первой.

– Я знаю, для чего вы пришли сюда, – сказала она. – Вы пришли для расспросов. Пощадите себя и меня. Я предупреждаю вас, что не буду отвечать на вопросы, касающиеся моего сына.

Это было сказано твердо, но не грубо. Я, в свою очередь, заговорила твердо:

– Я пришла сюда, сударыня, не для того, чтобы расспросить вас о вашем сыне. Я пришла, чтобы задать вам, если позволите, вопрос, касающийся вас самих.

Она устремила на меня пытливый взгляд поверх своих очков. Я, очевидно, удивила ее.

– Какой вопрос?

– Я только сегодня узнала, что ваше имя Макаллан. Сын ваш женился на мне под именем Вудвила. Насколько мне известно, единственным честным объяснением этого противоречия может быть то, что вы были замужем два раза и что муж мой – ваш сын от первого брака. Дело идет о счастье всей моей жизни. Будете ли вы так добры, чтобы войти в мое положение? Я прошу вас сказать мне, не были ли вы замужем два раза и не было ли имя вашего первого мужа Вудвил?

Она подумала немного, прежде чем ответить.

– Ваш вопрос вполне естественен в вашем положении, – сказала она, – но мне кажется, что лучше не отвечать на него.

– Могу я спросить, почему?

– Конечно. Если бы я ответила вам, это повело бы к новым вопросам, на которые я положительно отказываюсь отвечать. Мне больно разочаровывать вас. Я повторяю то, что сказала вам во время прогулки: у меня нет других чувств к вам, кроме симпатии. Если бы вы посоветовались со мной до свадьбы, я охотно сказала бы вам всю истину. Но теперь поздно. Вы замужем. Я советую вам постараться быть счастливой и примириться с настоящим положением дел.

– Извините, сударыня, – возразила я. – При настоящем положении дел я не уверена, что я замужем. Я знаю только, что сын ваш женился на мне под чужим именем. Могу ли я быть уверена, что я законная его жена?

– Мне кажется, что в законности вашего брака не может быть сомнения, – сказала миссис Макаллан. – Во всяком случае, вы можете посоветоваться на этот счет с юристом. Если вам скажут, что брак ваш незаконен, – сын мой джентльмен. Каковы бы ни были его недостатки и проступки, он не способен обмануть умышленно женщину, которая любит его и верит ему. Он будет справедлив к вам и поправит свою ошибку. Я тоже буду справедлива к вам. Если закон будет против ваших справедливых притязаний, я отвечу вам на все вопросы, какие вам вздумается задать мне. Теперь же, считая вас законной женой моего сына, я говорю вам опять: постарайтесь быть счастливой. Удовольствуйтесь любовью и преданностью вашего мужа. Если вы дорожите своим покоем и счастьем своей будущей жизни, не старайтесь узнать более того, что вы знаете теперь.

И она села с видом женщины, сказавшей свое последнее слово.

Дальнейшие домогательства были бы бесполезны, я видела это по ее лицу. Я повернулась, чтобы выйти.

– Вы жестоки со мной, сударыня, – сказала я на прощание. – Но делать нечего, я должна покориться.

Она подняла на меня глаза и сказала со вспышкой румянца на своем добром и красивом старом лице:

– Бог свидетель, дитя мое, что я жалею вас всем сердцем.

После этого странного проявления чувства она одной рукой взялась за работу, другой сделала мне знак удалиться.

Я молча поклонилась ей и вышла.

Входя в дом, я далеко не была уверена в своем будущем образе действий. Я вышла из него с твердой решимостью открыть тайну, которую мать и сын так упорно скрывали от меня. Что касается вопроса об имени, я поняла теперь то, что мне следовало бы понять с самого начала. Если бы миссис Макаллан была замужем два раза, как я предположила, она, без сомнения, обратила бы внимание на дважды произнесенное при ней имя ее первого мужа. Если все остальное было загадочно, одно было ясно: Юстас женился на мне под чужим именем.

Подходя к своей квартире, я увидела мужа, ходившего взад и вперед перед домом и, очевидно, поджидавшего меня. Я решилась сказать ему прямо, если он спросит меня, где я была и что произошло между мной и его матерью.

Увидев меня, он бросился ко мне навстречу. Лицо его было взволнованным.

– У меня есть просьба к тебе, Валерия, – сказал он. – Что ты скажешь, если я предложу тебе отправиться со мной в Лондон со следующим поездом?

Я взглянула на него. Я едва верила своим ушам.

– Мне необходимо побывать в Лондоне по одному делу, не касающемуся никого, кроме меня. Ты не желаешь отправиться в море немедленно, если я понял тебя. Оставить тебя здесь одну я не могу. Согласна ты съездить в Лондон дня на два?

Я не только была согласна, я была рада.

В Лондоне я могла узнать, законная ли я жена моего мужа или нет. В Лондоне я могла обратиться за советом и помощью к преданному старому клерку моего отца. Я могла довериться Бенджамену как никому другому. Как ни горячо я любила дядю Старкуэзера, мне не хотелось обращаться с моими затруднениями к нему. Жена его сказала мне, что я дурно начала, записав в церковной книге не то имя, какое следовало. Сказать ли правду? Гордость не позволяла мне теперь признаться, что слова ее оправдались так скоро.

Спустя два часа мы были опять в поезде железной дороги. Как не похожа была эта вторая поездка на первую! На пути в Ремзгейт всякий мог угадать, что мы были новобрачной четой. На пути в Лондон никто не обращал на нас внимания, всем должно было казаться, что мы были женаты уже несколько лет.

Мы остановились в скромном отеле близ Портленд-Плейса.

На следующее утро после завтрака муж объявил мне, что ему необходимо отлучиться по делам. Я еще прежде говорила ему, что мне нужно сделать в Лондоне несколько покупок. Он охотно согласился отпустить меня одну, с условием, чтобы я взяла карету из отеля.

Мне было очень грустно в это утро, я мучительно чувствовала натянутость отношений между мной и мужем. Отворив уже дверь, чтобы выйти, Юстас неожиданно вернулся ко мне и поцеловал меня. Этот внезапный порыв нежности тронул меня. Под влиянием минутного побуждения я обняла его.

– Милый мой, – сказала я, – доверься мне. Я знаю, что ты любишь меня. Покажи, что ты можешь быть откровенным со мной.

Он горько вздохнул и отодвинулся от меня с печалью, но не с гневом.

– Я думал, Валерия, что мы решили не возвращаться больше к этому предмету. Ты только напрасно тревожишь себя и меня.

И он поспешно вышел из комнаты, как будто боялся сказать больше, чем хотел. Лучше не говорить о том, что я почувствовала, когда он таким образом оттолкнул меня опять. Я немедленно приказала подать карету, надеясь переменой места и движением заглушить свои мысли.

Я отправилась сначала в лавки и сделала покупки, о которых говорила Юстасу, потом отдалась делу, которое было действительной целью моего выезда. Я поехала в виллу старого Бенджамена в окрестностях Сент-Джонз-Вуда.

Опомнившись от первого изумления, в которое я привела его своим неожиданным появлением, мой старый друг заметил, что я была бледна и озабочена. Я тотчас же созналась ему, что у меня горе. Мы уселись перед ярким огнем камина в его маленькой библиотеке, и я рассказала ему откровенно все, о чем говорится на этих страницах.

Он был слишком поражен, чтобы говорить много. Он горячо пожал мою руку, горячо поблагодарил Бога за то, что отец мой не дожил до этого дня, и ему не пришлось услышать то, что пришлось услышать его клерку. Затем, подумав немного, он повторил несколько раз вопросительным тоном имя моей свекрови:

– Макаллан? Макаллан? Где слышал я это имя? Почему оно кажется мне знакомым?

Но он отказался от тщетной попытки вспомнить забытое и с жаром спросил меня, чем может он быть мне полезен. Я ответила, что он может помочь мне разрешить вопрос, невыносимый для меня вопрос, законная ли я жена моего мужа или нет? Эти слова мгновенно пробудили в нем всю его прежнюю энергию, отличавшую его в былое время, когда он вел дела моего отца.

– Ваша карета у подъезда, друг мой, – сказал он. – Отправимтесь к моему юристу, не теряя ни минуты.

Мы отправились в Линкольнз-Инн.

По моей просьбе Бенджамен представил мое дело юристу как дело одной моей подруги, в которой я принимаю большое участие. Ответ был решительный. Я вышла замуж в искреннем убеждении, что имя, под которым я знала моего мужа, было его настоящим именем. Свидетели, мой дядя, моя тетка и Бенджамен, действовали, как и я, не подозревая никакого обмана. При таких обстоятельствах не могло быть сомнения, что брак мой был законным браком. Кто бы он ни был, Макаллан или Вудвил, но я была его законная жена.

Этот решительный ответ снял с моего сердца тяжелое бремя, и я приняла приглашение моего старого друга вернуться к нему и пообедать.

На обратном пути я возвратилась к разговору о том, что занимало меня теперь более всего. Я выразила намерение узнать во что бы ни стало, почему Юстас женился на мне под чужим именем.

Мой спутник покачал головой и посоветовал мне обдумать серьезно мое намерение. Его совет мне – так странно сходятся иногда крайности! – был советом моей свекрови, повторенным почти слово в слово:

– Оставьте это дело в том положении, в каком оно теперь. Ради собственного спокойствия удовольствуйтесь привязанностью вашего мужа. Вы знаете, что вы его законная жена, и знаете, что он любит вас. Разве этого не довольно?

На это у меня был только один ответ: жизнь при таких условиях была бы решительно нестерпимой для меня. Ничто не могло поколебать моего решения по той простой причине, что ничто не могло заставить меня жить с мужем в таких отношениях, в каких мы жили в последние дни. Я попросила моего друга сказать мне только одно: намерен ли он протянуть руку помощи дочери своего покойного хозяина?

Ответ старика вполне характеризует его:

– Скажите, что должен я сделать для вас, друг мой.

Мы проезжали в это время по улице, соседней с Портмен-Сквером. Мой ответ Бенджамену замер на моих губах. Я увидела мужа.

Он сходил с крыльца какого-то дома, глаза его были опущены, он не взглянул на нашу карету. Когда служанка затворила за ним дверь, я заметила, что номер дома был шестнадцать. На углу улицы я прочла ее название: Вивьен-Плейс.

– Не знаете ли вы, кто живет в доме номер шестнадцать, Вивьен-Плейс? – спросила я моего спутника.

Он взглянул на меня с изумлением. Мой вопрос был действительно странен после того, что он только что сказал мне.

– Нет, не знаю, – ответил он. – Почему вы это спрашиваете?

– Я сейчас видела, что из этого дома вышел Юстас.

– Так что же, друг мой?

– Мой рассудок в ненормальном состоянии, Бенджамен. Все, чего я не понимаю в поступках моего мужа, кажется мне подозрительным.

Бенджамен поднял свои худые старые руки и опустил их опять на колени в безмолвном соболезовании.

– Я повторяю вам, – продолжала я, – что жизнь моя невыносима. Я не знаю, что я сделаю, если проживу еще некоторое время сомневаясь в единственном человеке, которого я люблю. Вы человек опытный в жизни. Представьте себя на моем месте, предположите, что вы лишены доверия Юстаса, что вы любите его, как я его люблю, что ваше положение так же тяжело для вас, как оно тяжело для меня. Как поступили бы вы в таком случае?

Вопрос был прямой. Бенджамен дал такой же прямой ответ:

– Мне кажется, друг мой, что я отправился бы к какому-нибудь хорошему другу вашего мужа и предложил бы ему несколько вопросов.

К какому-нибудь хорошему другу моего мужа? Я подумала. Единственным его другом, о котором я знала что-нибудь, был майор Фитц-Дэвид. Сердце мое забилося сильнее. Не последовать ли мне совету Бенджамена? Не обратиться ли мне к майору Фитц-Дэвиду? Если он и откажется отвечать на мои вопросы, мое положение не будет хуже, чем оно уже было. Я решилась попытаться. Единственным затруднением, которое я пока видела, было узнать адрес майора. Я принуждена была возвратить его письмо дяде и не догадалась заметить его адрес. Я помнила только, что он писал из Лондона.

– Благодарю вас, старый друг, – сказала я Бенджамену. – Вы подали мне хорошую мысль. Есть у вас дома адрес-календарь?

– Нет, душа моя, – отвечал он сконфуженным тоном. – Впрочем, я могу легко достать его.

Мы вернулись в его виллу, и он немедленно послал свою служанку за адрес-календарем к ближайшему продавцу книг. Книга была принесена, когда мы только что сели за обед. Ища имя майора в разделе под буквой Ф, я была поражена новым открытием.

– Бенджамен, – сказала я, – взгляните, какое странное совпадение.

Он прочел слова, на которые я указала ему. Майор Фитц-Дэвид жил в том самом доме (номер шестнадцатый, Вивьен-Плейс), из которого вышел мой муж, когда я увидела его из кареты.

Глава VII

На пути к майору

– Да, сказал Бенджамен, – это действительно совпадение. Однако...

Он остановился и взглянул на меня, как будто не решался высказать то, что у него было на уме.

– Продолжайте, – сказала я.

– Однако я не вижу в этом случае ничего подозрительного, друг мой, – продолжал он. – Напротив, я нахожу совершенно естественным, что муж ваш, приехав в Лондон, посетил одного из своих друзей. Столь же естественно и то, что мы на пути ко мне проехали по Вивьен-Плейс. Вот как, по моему мнению, следует смотреть на этот случай. Что скажете вы?

– Я уже сказала вам, что мой ум в ненормальном состоянии, и все, что делает мой муж, кажется мне подозрительным. Я говорю, что он имел какую-нибудь особую причину для посещения майора. Это не обыкновенное посещение. Я твердо убеждена, что это не обыкновенное посещение.

– Однако не приняться ли нам за наш обед, – сказал Бенджамен покорным тоном. – Вот баранья нога, самая обыкновенная баранья нога. Находите вы в ней что-нибудь подозрительное? Нет? И прекрасно. Покажите, что вы доверяете баранине. А вот вино. И в этом кларете, Валерия, нет ничего таинственного, я готов присягнуть, что это самый обыкновенный виноградный сок. Если нельзя верить ни во что другое, будем верить в виноградный сок. За ваше здоровье, друг мой.

Я поддельвалась под шуточный тон старика. Мы ели и пили и говорили о прошлом, и некоторое время я была почти счастлива в обществе старого друга моего отца. О, если б и я была стара, если б и я покончила с любовью, с ее неизбежными страданиями, с ее мимолетными наслаждениями, с ее жестокими утратами, с ее сомнительными приобретениями... Последние осенние цветы на окне грелись под последними лучами осеннего солнца. Маленькая собачка Бенджамена спокойно наслаждалась на ковре своим обедом. Попугай в соседнем доме весело выкрикивал что-то. Я не сомневаюсь, что быть человеком – великое преимущество, но не завиднее ли иногда участь животных и растений?

Мой отдых был непродолжителен, прежнее беспокойство скоро овладело мной опять. Я встала и простилась с Бенджаменом.

– Обещайте мне, друг мой, – сказал он, отворяя мне дверь, – что вы не сделаете ничего опрометчивого.

– Опрометчиво ли будет отправиться к майору Фитц-Дэвиду? – спросила я.

– Да, если вы отправитесь одна. Вы не знаете, что он за человек, вы не знаете, как он примет вас. Поручите мне повидаться с ним и, так сказать, проложить путь для вас. Поверьте моей опытности, друг мой, в таких делах необходимо действовать как можно осторожнее.

Я подумала. Из уважения к моему другу я обязана была подумать, прежде чем отказаться от его предложения.

Размышление заставило меня решиться возложить ответственность, какова бы она ни была, на свои собственные плечи. Хороший или дурной, добрый или злой, но майор был мужчиной. Влияние женщины было надежнее в таком деле, какое я имела в виду. Но объяснить это Бенджамену, не рискуя оскорбить его, было бы нелегко, и я попросила его побывать у меня на другой день утром, чтобы потолковать о его предложении. Очень ли унижительно будет сознаться, что втайне я решила не откладывать свидания с майором до следующего дня?

– Не делайте ничего опрометчивого, друг мой. Ради своих собственных интересов не делайте ничего опрометчивого, – повторил Бенджамен, провожая меня.

Я застала Юстаса ожидающим меня в нашей гостиной. Его расположение духа, по-видимому, прояснилось с тех пор, как мы расстались. Он подошел ко мне с открытым листом бумаги в руке.

– Я покончил со своим делом раньше, чем ожидал, – сказал он весело. – Сделала ты свои закупки? Свободна ты?

Я уже привыкла (да простит мне Господь!) не доверять его припадкам веселости. Я спросила:

– Ты хочешь сказать, что освободился на сегодняшний день?

– На сегодняшний, на завтрашний, на следующую неделю, на следующий месяц, на следующий год и так далее, – отвечал он, порывисто обняв меня. – Посмотри!

Он показал мне открытый лист бумаги, который держал в руке. Это была телеграмма, уведомлявшая капитана яхты, что мы решили вернуться в Ремзгейт в этот день вечером и что мы готовы отплыть в море со следующим приливом.

– Я ждал только твоего возвращения, чтобы отправить телеграмму, – сказал он.

Он перешел на другую сторону комнаты, намереваясь позвонить. Я остановила его.

– Боюсь, что мне нельзя ехать сегодня в Ремзгейт, – сказала я.

– Почему это? – спросил он внезапно изменившимся, резким тоном.

Это может показаться смешным, но он действительно поколебал мою решимость отправиться к майору Фитц-Дэвиду, когда обнял меня. Его ласка смягчила мое сердце и едва не соблазнила меня покориться. Но зловещая перемена в тоне его голоса сделала меня другой женщиной. Я почувствовала опять, и сильнее, чем когда-либо, что в моем критическом положении нельзя было бездействовать или, что еще хуже, отступать назад.

– Очень жаль, что мне приходится противоречить тебе, но я не могу, как я уже сказала тебе в Ремзгейте, быть готовой к отъезду по первому слову, – ответила я. – Мне нужно время.

– Для чего?

Не только его тон, но и его взгляд при этом втором вопросе потрясли меня до глубины души. Он пробудил во мне, не знаю как и почему, острое чувство оскорбления, которое нанес мне, женившись под чужим именем. Опасаясь сказать под влиянием этого чувства что-нибудь слишком резкое, что-нибудь такое, в чем мне пришлось бы раскаяться впоследствии, я не сказала ничего. Только женщины могут понять, чего мне стоило промолчать, только мужчины могут понять, как раздражающе подействовало мое молчание на мужа.

– Ты говоришь, что тебе нужно время, – повторил он. – Я спрашиваю тебя: для чего?

Мое самообладание, доведенное до крайнего напряжения, изменило мне. Резкий ответ вырвался из моих уст, как птица из клетки.

– Время мне нужно для того, чтобы привыкнуть к моему настоящему имени, – сказала я.

Он бросил на меня зловещий взгляд.

– Что это значит?

– Ты знаешь, что это значит. До сих пор я думала, что я миссис Вудвил. Теперь я узнала, что я миссис Макаллан.

Он отшатнулся от меня, как будто я ударила его. Лицо его покрылось такой смертельной бледностью, что я со страхом ждала, что он упадет без чувств к моим ногам. О, мой язык, мой язык! Зачем я не удержала мой зловредный женский язык?

– Я не ожидала, что испугаю тебя, Юстас, – сказала я. – Прости меня, пожалуйста. Я сказала это, не подумав.

Он нетерпеливо махнул рукой, как будто мои извинения раздражали его, как докучливые летние мухи.

– Что еще ты узнала? – спросил он тихим, строгим голосом.

– Ничего, Юстас.

– Ничего? – Он подумал и утомленно провел рукой по лбу. – Ничего, конечно, – прошептал он, – иначе она не была бы здесь. – Он устремил на меня пытливый взгляд. – Не повторяй никогда того, что ты сказала сейчас, – продолжал он. – Ради себя самой, Валерия, и ради меня не повторяй этого никогда. – Он замолчал и утомленно опустил на ближайший стул.

Я, конечно, слышала предостережение мужа, но оно не произвело на меня такого впечатления, как предшествовавшие ему слова: «Ничего, конечно, иначе она не была бы здесь». Значило ли это, что если бы я узнала что-нибудь, кроме того, что узнала об имени, то не возвратилась бы к мужу? Это ли хотел он сказать? Неужели тайна, которую он скрывал от меня, была так ужасна, что могла разлучить нас сразу и навсегда? Я стояла перед ним молча, пытаюсь найти ответ на эти вопросы в его лице. Как красноречиво было оно, когда он говорил о любви. Теперь оно не сказало мне ничего.

Он просидел несколько минут, не глядя на меня, погруженный в свои мысли, потом встал и взял шляпу.

– Друг, одолживший мне яхту, в настоящее время в Лондоне, – сказал он. – Я пойду к нему и скажу, что наши планы изменились. – При этих словах он разорвал телеграмму с видом угрюмой покорности. – Ты, очевидно, решила не ехать со мной, – продолжал он. – Так лучше отказаться от яхты немедленно. Как ты полагаешь?

Тон его был почти презрительный, но я была слишком встревожена, чтобы принять это к сердцу.

– Поступай как знаешь, Юстас, – сказала я грустно. – Не все ли равно? Пока я лишена твоего доверия, где бы мы ни находились, на суше или на море, мы не можем быть счастливы.

– Мы могли бы быть счастливы, если бы ты способна была обуздать свое любопытство, – сказал он резко. – Я думал, что я женился на женщине, свободной от пороков, свойственных ее полу. Добрая жена не стала бы вмешиваться в дела мужа, в такие дела, до которых ей нет никакого дела.

Тяжело было стерпеть это, однако я стерпела.

– Разве мне нет дела до того, что муж женился на мне под чужим именем? – возразила я мягко. – Разве мне нет дела до того, что мать твоя объявляет тебе, что ей жаль твою жену? Не жестоко ли с твоей стороны, Юстас, обвинять меня в любопытстве за то, что я не могу примириться с невыносимым положением, в которое ты поставил меня? Твоя скрытность омрачает мое счастье и угрожает моему будущему. Твоя скрытность отчуждает нас друг от друга в самом начале нашей брачной жизни. И ты ставишь мне в вину, что я принимаю это близко к сердцу! Ты говоришь, что я вмешиваюсь в дела, которые не касаются меня. Они касаются меня, в них замешаны мои интересы. О, милый мой, зачем ты придаешь так мало значения нашей любви и нашему доверию друг к другу? Зачем ты оставляешь меня в неизвестности?

Он отвечал со строгой, безжалостной краткостью:

– Для твоей пользы.

Я молча отошла от него. Он третировал меня, как ребенка.

Он последовал за мной, он взял меня грубо за плечо и заставил повернуться к нему опять.

– Выслушай меня, – сказал он. – То, что я скажу тебе сейчас, я скажу в первый и в последний раз. Знай, Валерия, что если ты откроешь когда-нибудь то, что я скрываю от тебя, жизнь твоя сделается пыткой. Ты не будешь знать покоя ни днем, ни ночью. Дни твои будут днями ужаса, ночи твои будут полны страшных сновидений, и не по моей вине, заметь! Не по моей вине. С каждым днем твоей жизни будет усиливаться твое недоверие ко мне, твой страх, и этим ты будешь проявлять ко мне самую низкую несправедливость. Клянусь тебе моей верой как христианин, клянусь тебе моей честью как человек, что, если ты сделаешь еще шаг к открытию истины, ты лишишь себя счастья на всю остальную жизнь. Обдумай хорошенько все, что я сказал тебе, у тебя будет время на это. Я пойду сказать моему другу, что мы раздумали воспользоваться его яхтой, и не вернусь раньше вечера.

Он вздохнул и взглянул на меня с невыразимой грустью.

– Я люблю тебя, Валерия, – сказал он. – Бог свидетель, что вопреки всему, что произошло между нами, я люблю тебя больше, чем когда-нибудь.

С этими словами он ушел от меня.

Я должна писать правду о себе, как бы странна она ни казалась. Я не берусь анализировать мои побуждения, я не берусь угадать, как поступили бы на моем месте другие женщины, но я знаю, что ужасное предостережение мужа, ужасное в особенности по своей таинственности и загадочности, не произвело на меня устрашающего действия. Напротив, оно подкрепило мою решимость открыть то, что он скрывал от меня. Не прошло двух минут после его ухода, как я позвонила и приказала подать карету для того, чтобы отправиться к майору Фитц-Дэвиду.

Ходя в ожидании взад и вперед по комнате – в моем лихорадочном возбуждении я не способна была сидеть на месте, – я случайно увидела себя в зеркале.

Мое лицо поразило меня, так оно было дико, так страшно. Могла ли я представиться в таком виде незнакомому человеку, могла ли я надеяться произвести на него благоприятное впечатление? Я позвонила опять и приказала послать в мою комнату одну из горничных.

У меня не было собственной горничной. Жена управляющего яхтой стала бы прислуживать мне, если бы мы отправились в море. Теперь же мне необходима была помощь женщины. Горничная явилась. Можете судить, в каком ненормальном, беспорядочном состоянии духа была я в то время: я не шутя обратилась за советом насчет своей наружности к незнакомой служанке. Она была женщина средних лет, с лицом и манерами, ясно выражавшими обширное знакомство со светом и его слабостями. Я сунула ей в руку денег столько, что удивила ее. Перетолковав по-своему причину, побудившую меня подкупить ее, она поблагодарила меня с циничной улыбкой.

– Что могу я сделать для вас, сударыня? – спросила она фамильярным шепотом. – Говорите тише, в соседней комнате кто-то есть.

– Я хочу казаться как можно лучше и позвала вас, чтобы вы помогли мне, – ответила я.

– Понимаю, сударыня.

– Что вы понимаете?

Она многозначительно покачала головой и продолжала шепотом:

– Будьте покойны. Я опытна в этих делах. Вам предстоит свидание с каким-нибудь джентльменом. Не сердитесь на меня, сударыня. Я всегда говорю прямо, но без всякого худого умысла. Такова моя манера. – Она замолчала и окинула меня критическим взглядом. – На вашем месте я не меняла бы платья. Цвет идет вам.

Не время было сердиться на дерзкую женщину. Я не могла обойтись без ее помощи. Притом она была права насчет платья. На мне было платье нежного майсового цвета, красиво отделанное шелком, и оно шло мне. Но прическа моя была в большом беспорядке. Горничная поправила ее с быстротой и ловкостью, показывавшими, что парикмахерское искусство не было для нее новостью. Отложив в сторону гребни и щетки и взглянув на меня, она начала осматривать туалетный стол, как будто искала чего-то.

– Где они у вас? – спросила она.

– Что вам надо?

– Взгляните на цвет вашего лица, сударыня. Вы испугаете его, если покажетесь ему в таком виде. Вам необходимо нарумяниться хоть немного. Где они у вас? Как! У вас нет румян? Вы никогда не употребляете румян? Возможно ли?

С минуту она была вне себя от изумления, потом попросила у меня позволения сходить в свою комнату. Я отпустила ее, зная, зачем она шла. Она вернулась с коробкой румян и белил, и я не сказала ничего, чтобы помешать ей. Я видела в зеркале, как кожа моя получила искусственную нежность, щеки искусственный румянец, глаза искусственный блеск, и я не сказала ничего, чтобы помешать этому. Нет! Я смотрела на отвратительную операцию спокойно, я даже

восхищалась удивительным искусством, с которым она была сделана. «Я покорюсь, – говорила я себе в безумии того несчастного времени, – я покорюсь всему, что только может помочь мне овладеть доверием майора и открыть значение ужасных слов моего мужа».

Гримировка моего лица была окончена. Горничная показала мне пальцем на зеркало.

– Припомните, сударыня, – сказала она, – какой вы были, когда послали за мной, и взгляните на себя теперь. В своем роде вы теперь красивейшая женщина в Лондоне. О, эта жемчужная пудра делает чудеса, когда умеешь употреблять ее.

Глава VIII

Друг женщин

Я не в состоянии описать, что я чувствовала на пути к майору. Я даже сомневаюсь, чувствовала ли я и думала ли я в обыкновенном значении этих слов.

С той минуты, как я отдалась в руки горничной, я как будто лишилась своей индивидуальности, утратила свой характер. От природы нервная и беспокойная, я склонна была преувеличивать опасности, которые предвидела на своем пути. В другое время, имея в виду критическое свидание с незнакомым человеком, я обдумала бы заранее, что полезно будет сказать и о чем полезно будет умолчать. Теперь же я ни на минуту не задумалась о свидании с майором. Я чувствовала безотчетную уверенность в себе и слепое доверие к нему. Ни прошлое, ни будущее не беспокоили меня нимало, я беззаботно жила настоящим. Я глядела на магазины, на встречаемые экипажи. Я замечала – да, я замечала! – восхищенные взгляды, которыми меня провожали пешеходы, и радовалась. Я говорила себе: это предвещает мне успех у майора. Когда экипаж остановился у двери дома номер шестнадцать на Вивьен-Плейс, у меня, без преувеличения, было только одно опасение – не застать майора дома.

Дверь была отворена старым слугой, с виду похожим на отставного солдата. Он оглядел меня с пристальным вниманием, мало-помалу перешедшим в лукавое одобрение. Я спросила, дома ли майор Фитц-Дэвид. Ответ был не совсем удовлетворительный: слуга не знал наверное, дома ли его господин.

Я дала ему свою карточку. На моих карточках, напечатанных к моей свадьбе, стояло, конечно, ложное имя. Слуга ввел меня в переднюю комнату в нижнем этаже и исчез с моей карточкой в руке.

Оглядевшись, я заметила в стене, противоположной окнам, дверь, выходившую в какую-то внутреннюю комнату. Дверь была не простая, ее дверцы не растворялись, а вдвигались в стену. Подойдя ближе, я заметила, что дверное отверстие было задвинуто не совсем плотно. Осталась небольшая щель, но благодаря этой щели все происходившее достигло моих ушей.

– Что вы сказали обо мне, Оливер? – спросил чей-то голос, осторожно пониженным тоном.

– Я сказал, что не знаю наверное, дома ли вы, сударь, – отвечал голос встретившего меня слуги.

Последовала пауза. Легко было догадаться, что первый из говоривших был майор Фитц-Дэвид. Я ждала, что будет дальше.

– Мне кажется, что лучше не принимать ее, Оливер.

– Как прикажете, сударь.

– Скажите, что меня нет дома и что вы не знаете, когда я вернусь. Попросите ее написать, если у нее есть какое-нибудь дело ко мне.

– Хорошо, сударь.

– Подождите, Оливер.

Оливер остановился. Последовала другая, и на этот раз более долгая, пауза. Затем господин начал расспрашивать слугу.

– Молода она, Оливер?

– Молода, сударь.

– И хорошенькая?

– Более чем хорошенькая, на мой взгляд, сударь.

– А! То, что называется красавица, Оливер?

– Красавица, сударь.

– Высока она?

– Почти с меня, майор.

– А! И стройна?

– Тонка, как молодое дерево, пряма, как стрела.

– Я раздумал и решил быть дома, Оливер. Введите ее, введите ее.

До сих пор одно, по-видимому, было ясно: я поступила благоразумно, прибегнув к помощи горничной. Какой отчет дал бы обо мне Оливер, если б я явилась с моими бесцветными щеками и растрепанными волосами?

Слуга вернулся и пригласил меня в соседнюю комнату. Майор Фитц-Дэвид вышел мне навстречу. Каков был майор? Майор был хорошо сохранившийся старик лет шестидесяти, невысокий, худощавый и заметный, особенно длиной своего носа. После носа я заметила прекрасный темный парик, маленькие блестящие серые глаза, румяный цвет лица, короткие военные бакенбарды, окрашенные под цвет парика, белые зубы, вкрадчивую улыбку, щегольской синий сюртук с камелией в петлице и великолепный перстень с рубином, сверкнувший на его мизинце, когда он с поклоном предложил мне стул.

– Любезнейшая миссис Вудвил, как это великодушно с вашей стороны, – начал он. – Я жаждал познакомиться с вами. Юстас – мой старый друг. Я поздравил его, когда узнал о его женитьбе. Теперь, позвольте ли мне сознаться, – увидев вас, я завидую ему.

Все мое будущее было, может быть, в руках этого человека. Я изучала его внимательно, я старалась прочесть его характер в его лице.

Блестящие маленькие глаза майора принимали самое нежное выражение, когда глядели на меня, сильный и грубый голос майора доходил до самых мягких нот, когда он говорил со мной, манеры выражали счастливую смесь восхищения и уважения. Он подвинул свой стул ближе к моему, как будто сидеть рядом со мной было завидным преимуществом. Он взял мою руку и приложил к губам мою перчатку, как будто эта перчатка была прелестнейшей вещью в мире.

– Любезнейшая миссис Вудвил, – сказал он, бережно отпуская мою руку, – будьте снисходительны к другу, обожающему ваш прекрасный пол. Вы осветили этот скучный дом. Какое счастье видеть вас здесь!

В этом признании не было надобности. Женщины, дети и собаки инстинктивно узнают людей, их любящих. Женщины имели нежного друга, в былые времена, может быть, опасного нежного друга, в майоре Фитц-Дэвиде. Я угадала это прежде, чем села на стул и открыла рот, чтобы ответить ему.

– Благодарю вас, майор, за ваш добрый прием и за ваши любезные комплименты, – сказала я, подделываясь под развязный тон моего хозяина, насколько это было прилично с моей стороны. – Вы высказали свое признание, могу я высказать мое?

Майор Фитц-Дэвид взял опять мою руку и подвинул свой стул так близко к моему, как только было возможно. Я бросила на него строгий взгляд и попробовала освободить руку. Он не выпустил ее и объяснил мне причину.

– Я сейчас услышал в первый раз ваш голос, – сказал он. – Я нахожусь теперь под обаянием прелести вашего голоса. Дорогая миссис Вудвил, будьте снисходительны к старику, находящемуся под обаянием вашего голоса. Не лишайте меня моих невинных наслаждений. Дайте мне поддержать – я желал бы иметь право сказать: отдайте мне – эту прелестную руку. Я такой поклонник красивых рук! Я могу слушать гораздо внимательнее, держа в руке красивую руку. Другие женщины снисходительны к моим слабостям. Будьте снисходительны и вы. Будете? Так что же вы хотели сказать?

– Я хотела сказать, майор, что меня очень обрадовал ваш добрый прием, потому что я приехала к вам с большой просьбой.

Говоря это, я сознавала, что подхожу к цели своего посещения слишком поспешно. Но восхищение майора возрастало с такой ужасающей быстротой, что я чувствовала необходи-

мость положить ему практическую преграду. Я рассчитывала, что злое слово «просьба» произведет охлаждающее действие, и не ошиблась. Мой престарелый друг выпустил мою руку с величайшей учтивостью и поспешил переменить разговор.

– Само собой разумеется, что ваша просьба будет исполнена. Но скажите же мне, как поживает наш милый Юстас.

– Он встревожен и не в духе, – ответила я.

– Встревожен и не в духе! – повторил майор. – Счастливцев, женатый на вас, встревожен и не в духе! Чудовище! Я теряю к нему всякое уважение. Я вычеркну его из списка моих друзей.

– Если так, то вычеркните и меня с ним, майор. Я тоже не в духе. Вы старый друг моего мужа. Я могу сознаться вам, что наша брачная жизнь в настоящее время не совсем счастлива.

Майор Фитц-Дэвид поднял брови, окрашенные под цвет парика, в учтивом изумлении:

– Уже! – воскликнул он. – Что за странный человек Юстас! Неужели он не способен ценить красоту и грацию? Неужели он самый бесчувственный из земных существ?!

– Он лучший и добрейший из людей, но в его прошлом есть какая-то странная тайна...

Я не могла продолжать. Майор Фитц-Дэвид прервал меня. Это было сделано с безупречной учтивостью, но взгляд его блестящих маленьких глаз сказал мне ясно: «Если вы намерены вступить на эту деликатную почву, сударыня, я отказываюсь следовать за вами».

– Мой обворожительный друг, – воскликнул он. – Могу я называть вас моим обворожительным другом? В числе множества других прелестных качеств, которые я уже заметил, вы обладаете живым воображением. Но не давайте ему воли. Примите совет старого друга, не давайте ему воли. Что могу я предложить вам, дорогая миссис Вудвил? Чашку чая?

– Называйте меня моим настоящим именем, – отвечала я смело. – Я уже открыла, что мое настоящее имя – Макаллан.

Майор вздрогнул и устремил на меня пристальный взгляд. Его тон и манеры изменились совершенно, когда он заговорил опять.

– Позвольте спросить, сообщили ли вы об этом открытии вашему мужу?

– Конечно. Я полагаю, что муж обязан дать мне объяснение. Я просила его сказать мне, что побудило его жениться на мне под чужим именем, но он отказался ответить мне и объяснил свой отказ такими причинами, что напугал меня. Я обращалась к его матери, но и от нее получила отказ в выражениях, оскорбительных для меня. Любезнейший майор Фитц-Дэвид! У меня нет друзей, которые могли бы принять мою сторону. Окажите мне величайшую милость, скажите мне, почему друг ваш Юстас женился на мне под чужим именем.

– Я, со своей стороны, попрошу вас оказать мне величайшую милость, – возразил майор. – Позвольте мне не отвечать вам.

Вопреки своему отрицательному ответу, он смотрел на меня так, как будто жалел меня. Я решила не отступать.

– Войдите в мое положение, майор. Могу ли я не расспрашивать вас? Могу ли я жить, зная то, что я знаю, но не зная ничего более? Я готова услышать худшее, что вы можете сказать мне, но я не в силах выносить долее пытку непрерывных подозрений и опасений. Я люблю моего мужа всем сердцем, но я не могу жить с ним при таких условиях. Я сойду с ума от такой жизни. Я женщина, майор. Я могу рассчитывать только на вашу доброту. Не оставляйте меня, умоляю вас, не оставляйте меня в неизвестности!

Я не могла сказать ничего более. Под влиянием безотчетного минутного побуждения я схватила его руку и поднесла ее к губам. Учтивый старый джентльмен вздрогнул от моего поцелуя, как от электрического толчка.

– О, бедная моя, бедная! – воскликнул он. – Я не могу выразить, как я сочувствую вам. Вы обворожили меня, вы покорили меня, вы растрогали меня до глубины души. Что могу я сказать? Что могу я сделать? Я могу только последовать примеру, который вы подали мне своей удивительной откровенностью, своим безобязанным чистосердечием. Вы описали мне

свое положение. Позвольте и мне объяснить вам положение, в какое поставлен я. Успокойтесь, постарайтесь успокоиться. У меня есть флакон с нюхательной солью для дам. Позвольте мне предложить его вам.

Он принес мне флакон, поставил мне под ноги скамеечку, он умолял меня подождать и успокоиться.

– Дурак! – пробормотал он, когда отошел от меня, чтобы дать мне успокоиться. – Если бы я был ее мужем, будь что будет, я открыл бы ей истину.

Относилось ли это к Юстасу? Не намеревался ли майор сделать то, что он сделал бы на месте моего мужа, не намеревался ли он открыть мне истину?

Едва эта мысль мелькнула у меня в уме, как раздался громкий и настойчивый стук в наружную дверь. Майор остановился и начал прислушиваться с большим вниманием. Минуту спустя дверь была отворена, и в соседней комнате послышался шум женского платья. Майор бросился к двери с юношеской быстротой. Но было уже поздно. Не успел он добежать до нее, как дверь распахнулась от сильного толчка с противоположной стороны и особа в шумящем платье ворвалась в комнату.

Глава IX

Майор побежден

Посетительница майора Фитц-Дэвида была разряженная полная девушка с румяными щеками, с круглыми глазами и с волосами соломенного цвета. Поглядев на меня с минуту с нескрываемым изумлением, она обратилась к майору с извинением, что помешала. Она, очевидно, принимала меня за новый предмет обожания старика и не старалась скрыть свою ревность и досаду. Майор уладил дело с помощью своей неотразимой любезности. Он поцеловал руку разряженной девушки с такой же преданностью, как целовал мою, он сказал ей, что она прелестна. Затем он проводил ее почтительно к двери, выходящей в залу.

– Никаких извинений не нужно, душа моя, – сказал он. – Эта дама у меня по делу. Ваш учитель пения ждет вас наверху. Начинайте урок, а я приду к вам немного погодя. *Au revoir*¹, моя обворожительная ученица, *au revoir*.

На эту любезную речь молодая особа отвечала что-то шепотом и устремив свои круглые глаза на меня. Наконец дверь за ней затворилась. Майор Фитц-Дэвид получил возможность успокоить и меня.

– Я называю эту молодую особу одним из моих счастливых открытий, – сказал он весело. – Она обладает лучшим сопрано в Европе. Поверите ли, я нашел ее на станции железной дороги. Она стояла за прилавком в буфете, бедняжка, и полоскала винные стаканы, распевая во время своей работы. Что это было за пение! Праведное небо, что это было за пение! Ее ноты электризовали меня. Я сказал себе: «Вот природная примадонна. Я выведу ее в свет!» Это уже третья, которую я вывожу в свет. Когда она будет достаточно подвинута, я повезу ее в Италию и усовершенствую ее в Милане. В этой простодушной девушке, сударыня, вы видели будущую царицу пения. Слушайте! Она начинает свои гаммы. Что за голос! Браво! Браво! Брависсимо!

Высокие сопрановые ноты будущей царицы пения прозвучали по дому. Громкость голоса молодой особы была неоспорима, но его нежность и чистота, по моему мнению, были весьма сомнительны.

Сказав из учтивости несколько приличных случаю слов, я решила напомнить майору о нашем прерванном разговоре. Ему, очевидно, очень не хотелось возвращаться к опасному пункту, на котором мы остановились, когда нас прервали. Он начал бить пальцем в такт пению, продолжавшемуся наверху, он спросил, пою ли я и какой у меня голос, он заметил, что для него жизнь была бы нестерпима без любви и искусства. Мужчина на моем месте потерял бы терпение и с отвращением отказался бы от попыток что-то узнать. Будучи женщиной и не теряя из виду свою цель, я была непоколебима. Я бодро вынесла сопротивление майора и заставила его сдаться. Решившись наконец высказаться, он высказался, надо отдать ему справедливость, откровенно и дельно.

– Я знал вашего мужа, когда он был еще мальчиком, – начал он. – В один из периодов его прошлой жизни с ним случилось ужасное несчастье. Тайна этого несчастья известна его друзьям и свято сохраняется ими. Эту-то тайну он и скрывает от вас. Он не откроет ее вам никогда. Что же касается меня, я тоже связан обещанием не открывать ее никому. Теперь вы знаете мое положение относительно Юстаса, любезнейшая миссис Вудвил.

– Вы продолжаете называть меня миссис Вудвил, – сказала я.

– Ваш муж желает, чтобы я называл вас так. Он принял имя Вудвила, не решаясь сказать свое собственное, когда вошел в первый раз в дом вашего дядюшки, и теперь не хочет призна-

¹ До свидания (фр.).

вать никакого другого. Спорить с ним бесполезно. Вы должны сделать то, что делаем мы, вы должны уступить безрассудному человеку. Лучший из людей во всех других отношениях, в этом единственном случае он упрям и капризен до крайности. Если вы желаете знать, что я думаю о его поступках, я скажу вам, что, по моему мнению, он был неправ, женившись на вас под чужим именем. Сделав вас своей женой, он доверил вам свое счастье и свою честь. Почему было ему не доверить вам и историю своих несчастий? Его мать вполне разделяет мое мнение на этот счет. Вы не должны ставить ей в вину, что она не открыла вам истины после вашей свадьбы. Теперь уже поздно. До свадьбы она всеми силами старалась заставить сына поступить с вами справедливо и сделала для этого все, что могла сделать, не выдавая тайны, которую, как добрая мать, она должна была уважать. Я могу теперь сказать вам, не компрометируя никого, что она отказалась дать согласие на ваш брак единственно потому, что Юстас не хотел последовать ее совету и открыть вам свое настоящее положение. Я, со своей стороны, содействовал ей, сколько мог. Когда Юстас написал мне, что сделал предложение племяннице моего доброго друга доктора Старкуэзера и что сослался на мою рекомендацию, я ответил ему, что не приму никакого участия в этом деле, если он не откроет своей невесте всей истины о себе. Он отказался послушаться меня, как отказался послушаться своей матери, и напомнил мне о моем обещании хранить его тайну. Когда Старкуэзер обратился ко мне с расспросами о нем, мне оставалось только или принять участие в обмане, который был противен моим убеждениям, или ответить так кратко и сдержанно, чтобы сразу прервать переписку. Я выбрал последнее и боюсь, что я оскорбил моего доброго старого друга. Вы теперь понимаете мое положение. К довершению его затруднительности, Юстас пришел сегодня ко мне и предупредил меня, чтобы я был настороже на случай, если вы обратитесь ко мне с тем самым вопросом, который вы мне задали. Он рассказал мне, что, вследствие несчастного стечения обстоятельств, вы случайно встретились с его матерью. Он объявил, что приехал в Лондон только для того, чтобы переговорить со мной об этом важном деле. «Я знаю, как вы слабы в тех случаях, где замешаны женщины, – сказал он. – Валерия слышала, что вы мой старый друг. Она не преминет написать вам. Она, может быть, даже решится посетить вас. Возобновите ваше обещание сохранить в тайне великое несчастье моей жизни, подкрепите его вашим честным словом и клятвой». Таковы его собственные слова, насколько я запомнил их. Я попробовал обратить дело в шутку. Я посмеялся над театральностью, с которой он требовал возобновления моего обещания. Напрасно! Он не хотел отстать от меня. Он напомнил мне, бедный малый, о своих прошлых незаслуженных страданиях. Кончилось тем, что он расплакался. Вы любите его, я тоже люблю его. Вы не удивитесь, что я уступил ему. Вследствие этого я теперь связан самым торжественным обещанием, какое только может дать человек, не говорить вам ничего. Дорогая моя, я искренне сочувствую вам в этом случае, я был бы очень рад, если бы мог избавить вас от вашего беспокойства, но что я могу сделать?

Он остановился и с серьезным вниманием ждал моего ответа.

Я выслушала его с начала до конца, не прервав его ни одним словом. Странная перемена в его обращении и в его манере выражаться, когда он говорил о Юстасе, встревожила меня сильнее, чем что-либо другое. Как ужасна, подумала я, должна быть скрываемая история, если даже легкомысленный майор Фитц-Дэвид, говоря о ней, делается серьезным и грустным, не улыбается, не говорит мне комплиментов, не слушает пения наверху. Сердце мое замерло при этом ужасном заключении. В первый раз с тех пор, как я пришла к майору, я почувствовала, что истощила все свои ресурсы. Я не знала, что сказать или что сделать.

Однако я продолжала сидеть. Никогда моя решимость открыть то, что муж скрывал от меня, не была так сильна, как в эту минуту. Я не могу объяснить причину такой странной непоследовательности, я могу только передавать факты.

Пение наверху продолжалось. Майор Фитц-Дэвид молча ждал моего ответа.

Прежде чем я решила, что сказать или что сделать, случилось другое событие в доме. Стук в дверь возвестил об еще одном посетителе. На этот раз в зале не слышно было шума женского платья. На этот раз вошел только старый слуга с великолепным букетом в руке. «Леди Кларинда приказала кланяться и напомнить майору об его обещании». Еще женщина! И притом титулованная! Знатная дама, посылающая цветы и не считающая даже нужным скрыть свое имя! Майор, извинившись передо мной, написал несколько строк и приказал отдать их посыльному. Когда дверь затворилась опять, он выбрал один из лучших цветков в букете.

– Могу я спросить, – сказал он, любезно предлагая мне цветок, – понимаете ли вы теперь щекотливое положение, в которое я поставлен относительно вашего мужа и относительно вас?

Небольшой перерыв, произошедший вследствие появления букета, дал мне возможность собраться с мыслями и овладеть собой. Я была теперь в состоянии сказать майору, что его благоразумное и учтивое объяснение не пропало даром.

– Благодарю вас от души, майор, – сказала я. – Вы убедили меня, что я не должна просить вас нарушить ради меня обещание, данное вами моему мужу, священное обещание, которое и я обязана уважать. Я вполне понимаю это.

Майор испустил глубокий вздох облегчения и потрепал меня по плечу с радостным одобрением.

– Удивительно сказано! – воскликнул он, мгновенно перейдя опять к своему прежнему обращению со мной. – Вы обладаете даром сочувствия, друг мой, вы вполне поняли мое положение. Знаете ли, вы напоминаете мне мою обворожительную леди Кларинду. Она также обладает даром сочувствия, она также вполне понимает мое положение. Как бы мне хотелось представить вас друг другу, – прибавил он восторженно, погрузив свой длинный кос в цветы леди Кларинды.

Я еще не достигла своей цели, и, будучи, как вы вероятно уже заметили, самой настойчивой женщиной в мире, я не хотела отказаться от надежды на успех.

– Я буду очень рада познакомиться с леди Клариндой, – сказала я. – До тех же пор...

– Я устрою маленький обед! – воскликнул восторженно майор. – Вы, я и леди Кларинда. Наша примадонна придет вечером и будет петь нам. Не составить ли нам теперь же меню обеда? Какой осенний суп предпочитаете вы, мой милый друг?

– Но сейчас, – настойчиво сказала я, – мы вернемся к тому, что я только что хотела сказать.

Улыбка майора исчезла, рука майора выпустила перо, которое должно было увековечить название моего любимого осеннего супа.

– Разве это необходимо? – спросил он жалобно.

– Только на одну минуту.

– Вы напоминаете мне, – сказал он грустно, – другого моего обворожительного друга. Француженку, мадам Мирлифлор. Вы особа необычайно настойчивая. Мадам Мирлифлор тоже особа необычайно настойчивая. Она теперь в Лондоне. Не пригласить ли нам и ее на наш маленький обед? – Майор просветлел при этой мысли и взялся опять за перо. – Скажите же мне, какой ваш любимый осенний суп?

– Извините меня, – возразила я, – мы говорили сейчас...

– О, Боже мой, Боже мой! – воскликнул майор с отчаянием. – Вы настаиваете, чтобы мы вернулись к нашему прежнему разговору?

– Да.

Майор положил опять перо на стол и с сожалением оставил мысль о мадам Мирлифлор и об осеннем супе.

– Итак, – произнес он с поклоном и с покорной улыбкой, – вы намеревались сказать...

– Я намеревалась сказать, что ваше обещание обязывает вас только не рассказывать тайны, которую муж скрывает от меня. Но вы не обещали не отвечать мне, если я задам вам несколько вопросов.

Майор поднял руку в знак предостережения и бросил на меня лукавый взгляд.

– Остановитесь! Милый друг мой, остановитесь! Я знаю, к чему будут клониться ваши вопросы и каков будет результат, если я начну отвечать на них. Ваш муж напомнил мне сегодня, что я мягок, как воск, в руках красивой женщины. Это правда. Я действительно не способен отказать в чем-нибудь красивой женщине. Милый, очаровательный друг, не злоупотребляйте властью надо мной. Не заставляйте старого солдата изменить честному слову.

Я попробовала сказать что-то в защиту своих побуждений. Майор сложил руки и взглянул на меня с таким простодушно-умоляющим видом, что я была удивлена.

– Для чего настаивать? Я не способен к сопротивлению. Я бессилён, как агнец, – для чего приносить меня в жертву? Я признаю вашу власть, я рассчитываю только на ваше снисхождение. Женщины были причиной всех моих несчастий в юности и в зрелом возрасте. Я не стал лучше под старость. Стоя одной ногой в могиле, я люблю женщин по-прежнему и по-прежнему готов пожертвовать для них всем. Поразительно, не правда ли? Однако справедливо. Взгляните на этот знак. – Он приподнял локон своего прекрасного парика и показал мне глубокий рубец на голове. – Это след огнестрельной раны, признанной в то время смертельной, раны, полученной не на службе отечеству, о нет! – но на дуэли за жестоко оскорбленную женщину, от руки ее негодяя мужа. Но эта женщина стоила моей преданности. Он поцеловал свои пальцы в память об усопшем или отсутствующем друге и указал на акварельный ландшафт, висевший на противоположной стене. – Это прекрасное поместье принадлежало некогда мне. Оно продано много лет тому назад. А к кому перешли деньги? К женщинам – да благословит их Бог! – к женщинам. Я не жалею об этом. Если бы у меня было другое поместье, оно, без сомнения, ушло бы на то же. Ваш очаровательный пол присвоил себе и мою жизнь, и мое время, и мои деньги. И я рад. Единственное, что я сохранил за собой, это моя честь. А теперь и она в опасности. Да. Если вы начнете задавать мне свои умные вопросы этим милым голосом, с этим милым взглядом, я знаю, что случится. Вы лишите меня моего последнего и лучшего достоинства. Заслужил ли я это, мой бесценный друг? От вас в особенности?

Он остановился и взглянул на меня с прежней безыскусственной мольбой в глазах и обратился опять к моей снисходительности.

– Требуйте от меня все, что вам угодно, – сказал он, – но не требуйте, чтобы я изменил моему другу. Избавьте меня только от этого, и я сделаю для вас все что угодно. Я говорю совершенно искренне, – продолжал он, наклоняясь ближе ко мне и глядя серьезнее, чем когда-либо. – По моему мнению, с вами поступили очень нехорошо. Чудовищно ожидать, что женщина в вашем положении согласится остаться в неведении на всю жизнь. Это невозможно. Если бы я увидел в эту минуту, что вы готовы открыть сами то, что Юстас скрывает от вас, я вспомнил бы, что мое обязательство, как и всякое другое, имеет пределы. Я считаю себя обязанным не открывать вам истины, но я не пошевелил бы пальцем, чтобы помешать вам открыть ее самой.

Он сделал сильное ударение на последних словах. Я невольно вскочила со стула. Побуждение встать на ноги было неудержимо. Майор Фитц-Дэвид дал мне новую мысль.

– Теперь мы понимаем друг друга, майор, – сказала я. – Я принимаю ваши условия. Я не буду просить у вас ничего, кроме того, что вы предложили мне сами.

– Что я предложил? – спросил он несколько испуганным тоном.

– Ничего такого, в чем вам следовало бы раскаиваться. Ничего такого, что трудно было бы исполнить. Могу я задать вам смелый вопрос? Что, если бы этот дом был мой, а не ваш?

– Считайте его своим, – воскликнул любезный старик. – Считайте его своим с чердака до кухни!

– Очень вам благодарна, майор. Я буду считать его своим на некоторое время. Вы знаете – кто этого не знает? – что любопытство есть одна из отличительных слабостей женского пола. Что, если бы любопытство побудило меня осмотреть все, что есть в моем новом доме?

– Так что же?

– Что, если бы я начала ходить из комнаты в комнату и осматривать все, что нашла бы в них? Как вы полагаете, могла ли бы я...

Проницательный майор угадал мой вопрос и в свою очередь вскочил со стула, пораженный новой идеей.

– Могла ли бы я открыть сама по себе в этом доме тайну моего мужа? Одно слово в ответ, майор Фитц-Дэвид, одно только слово. Да или нет?

– Не волнуйтесь так.

– Да или нет? – повторила я с большим жаром, чем прежде.

– Да, – ответил он после минутного колебания.

Это было ответом. Но я тотчас же поняла, что такой ответ был слишком неясен. Я решила попробовать, не удастся ли выпытать какие-нибудь подробности.

– Означает ли ваше «да», что в этом доме есть какое-нибудь указание на истину? – спросила я. – Нечто такое, что я могу увидеть, что я могу осязать?

Он подумал. Я видела, что мне удалось каким-то неведомым для меня образом заинтересовать его, и я терпеливо ждала его ответа.

– То, о чем вы говорите, указание, как вы это называете, вы могли бы увидеть и могли бы осязать, если бы только нашли.

– Оно в этом доме?

Майор приблизился ко мне и прошептал:

– В этой комнате.

Голова моя закружилась, сердце застучало. Я попробовала сказать что-то. Тщетно. Усилие едва не задушило меня. В тишине, царствовавшей в доме, ясно слышалось пение, продолжавшееся наверху. Будущая примадонна кончила свое упражнение в гаммах и пробовала голос в отрывках из итальянских опер. В эту минуту она пела прелестную арию из «Сомнамбулы». Я до сих пор не могу слышать эту арию без того, чтобы не перенестись мгновенно в кабинет майора Фитц-Дэвида.

Майор, тоже сильно взволнованный, прервал молчание первый.

– Сядьте, – сказал он, – сядьте в кресло. Вы ужасно взволнованы, вам необходимо отдохнуть.

Он был прав. Я не могла стоять, я упала на стул.

Майор позвонил и, отойдя к двери, сказал несколько слов вошедшему слуге.

– Я провела у вас уже немало времени, – сказала я слабым голосом. – Не мешаю ли я вам?

– Мешаете? – возразил он со своей неотразимой улыбкой. – Вы забыли, что вы в своем собственном доме.

Слуга возвратился с маленькой бутылочкой шампанского и с полной тарелкой изящного сахарного печенья.

– Я заказывал закупорить шампанское в эти бутылочки нарочно для дам, – сказал майор. – Бисквиты я получаю прямо из Парижа. Если хотите сделать мне одолжение, закусите у меня. Затем... – он остановился и посмотрел на меня внимательно. – Затем, – повторил он, – я уйду наверх к моей юной примадонне и оставлю вас здесь одну.

Я горячо пожала его руку.

– Дело идет о счастье всей моей будущей жизни, – сказала я. – Будете ли вы так великодушны, чтобы разрешить мне осмотреть все, что есть в этой комнате, когда я останусь одна?

Он указал мне на шампанское и бисквиты.

– Вам предстоит дело нешуточное, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы владели собой вполне. Подкрепитесь, и затем я поговорю с вами.

Я послушалась, выпила шампанского и тотчас же почувствовала оживление.

– Вы непременно желаете быть одна, пока будете обыскивать комнату? – спросил он.

– Да, я непременно желаю быть одна.

– Я беру на себя тяжелую ответственность, соглашаясь исполнить ваше желание. Тем не менее я соглашаюсь, потому что уверен, как и вы уверены, что счастье вашей будущей жизни зависит от открытия истины. – Он вынул из кармана два ключа. – Всякая запертая мебель в этой комнате, естественно, возбudit в вас подозрение. Здесь заперт только шкафчик под книжными полками и итальянское бюро. Маленьким ключом отпирается шкаф, большим – бюро.

С этими словами он положил передо мной два ключа.

– До сих пор, – сказал он, – я строго хранил обещание, данное мною вашему мужу, и я сохраню его до конца, каков бы ни был результат ваших поисков. Я связан честным словом не помогать вам ни словом, ни делом. Я даже не вправе сделать вам какой бы то ни было намек. Понимаете вы меня?

– Конечно.

– Хорошо. Мне осталось сделать вам последнее предостережение, и затем мое дело будет кончено. Если ваши поиски увенчаются успехом, знайте, что открытие будет ужасным. Если вы не вполне уверены, что будете в силах вынести удар, который поразит вас в самое сердце, ради всего святого, откажитесь раз и навсегда от своего намерения.

– Благодарю вас за предостережение, майор. Я готова к последствиям моего открытия, каковы бы они ни были.

– Вы решились окончательно?

– Окончательно.

– Хорошо. Пользуйтесь временем как вам угодно. Дом и все находящееся в нем в вашем распоряжении. Позвоните раз, если вам понадобится слуга, позвоните два раза, если вам понадобится служанка. Время от времени я буду заглядывать к вам сам. Я отвечаю за ваше спокойствие и за вашу безопасность, пока вы делаете мне честь своим пребыванием в моем доме.

Он поцеловал мою руку и поглядел на меня в последний раз внимательным взглядом.

– Надеюсь, что риск не слишком велик, – сказал он более про себя, чем мне. – В течение моей жизни женщины часто вводили меня в неблагоприятные поступки. Не ввели ли вы меня, желал бы я знать, в самый неблагоприятный из всех?

После этих зловещих слов он поклонился мне и вышел из комнаты.

Глава X

Поиск

Огонь в камине горел слабо, а уличный воздух (как я заметила на пути в Вивьен-Плейс) был холоден, как зимой.

Тем не менее, когда я осталась одна, моим первым ощущением было ощущение жара и изнеможения с их естественным последствием – затруднительным дыханием. Я сняла шляпку, мантилью, перчатки и открыла окно. Оно выходило на мощеный двор и на стену конюшни майора. Постояв несколько минут у открытого окна, я освежилась и успокоилась. Я затворила окно и сделала первый шаг к открытию, иными словами – приступила к осмотру комнаты.

Я сама удивлялась своему спокойствию. Свидание с майором Фитц-Дэвидом истощило, на время по крайней мере, мою способность к сильным ощущениям. Я была довольна, что осталась одна, я была довольна, что имела наконец возможность приступить к поискам, но это было все, что я чувствовала в ту минуту.

Комната была продолговатая. В одной из двух узких стен находилась выдвижная дверь, о которой я уже говорила, другая была почти вся занята большим окном.

Я обратилась сначала к стене с дверью. Что нашла я у этой стены? Два карточных стола по обе стороны двери и над столами, на вызолоченных бра, прибитых к стене, две великолепные китайские вазы.

Я открыла карточные столы. В ящиках под ними не было ничего, кроме карт и обыкновенных игральных марок. За исключением одной колоды все остальные были еще запечатаны в обыкновенных карточных обертках. Я рассмотрела распечатанную колоду карта за картой и не нашла ничего особенного, никакой надписи, никакой отметки. С помощью лестницы, стоявшей у книжного шкафа, я заглянула в китайские вазы. Они были пусты. Осталось ли еще что-нибудь неосмотренное на этой стороне комнаты? В обоих углах стояло по маленькому стулу с красными шелковыми подушками. Когда я перевернула подушки и убедилась, что и под ними не было ничего, мой осмотр этой стороны комнаты был окончен. Я не нашла решительно ничего особенного.

Я перешла к противоположной стене, к стене с окном.

Окно, занимавшее, как я уже сказала, почти всю стену, разделялось на три рамы и было украшено великолепными темно-красными бархатными занавесками. В углах, за тяжелыми складками бархата, оставались места, едва достаточные для двух небольших бюро со множеством ящиков. На бюро стояли две прекрасные бронзовые копии Венеры Милосской в уменьшенном виде. Майор разрешил мне делать все, что мне вздумается. Я не колеблясь решилась выдвинуть все шесть ящиков в каждом из бюро и осмотреть все, что заключалось в них.

Я начала с правого бюро и покончила с ним очень скоро. Все шесть ящиков были заняты коллекцией минералов, собранных, судя по любопытным ярлыкам, наклеенным на некоторых из них, в тот период жизни майора, когда он занимался горным промыслом. Убедившись, что в ящиках не было ничего, кроме минералов и ярлыков к ним, я перешла к бюро в левом углу.

Здесь я нашла множество разнообразных предметов, и на осмотр их потребовалось довольно много времени.

Верхний ящик заключал полную коллекцию плотничьих инструментов в миниатюрном виде, сохраненных, вероятно, на память о том времени, когда майор был еще мальчиком и родные или друзья дарили ему игрушки. Во втором ящике оказались игрушки другого рода – подарки, полученные майором от его очаровательных подруг. Вышитые помочи, табачные кисеты, изящные подушечки для булавок, роскошные туфли, блестящие кошельки – все это свидетельствовало о широте круга женщин. Третий ящик был менее интересен, в нем не было ничего, кроме счетных книг за несколько лет. Рассмотрев каждую книгу порознь и встряхнув

их, чтобы убедиться, что в них не было никаких посторонних бумаг, я перешла к четвертому ящичку и нашла в нем новые воспоминания о прошлом в виде уплаченных счетов, аккуратно связанных вместе и перемеченных. Между счетами я нашла с десяток посторонних бумаг, немало не интересных для меня. В пятом ящичке был страшный беспорядок. Я вынула сначала растрепанную связку разукрашенных обеденных карточек, сохраненных на память о банкетах, которые давал майор или на которых он присутствовал как гость в Лондоне и в Париже. Затем коробку красиво раскрашенных перьев – вероятно, подарок женщины. Затем кучу старых пригласительных билетов. Затем несколько растрепанных французских комедий и оперных либретто. Затем карманный штопор, связку сигареток и связку заржавленных ключей. Наконец, паспорт, несколько багажных ярлыков, сломанную серебряную табакерку, два портсигара и разорванную карту Рима. Ничего интересного для меня, подумала я, закрывая пятый ящик и готовясь открыть шестой и последний.

Шестой ящик был для меня и сюрпризом и разочарованием. В нем не было ничего, кроме осколков разбитой вазы.

Я сидела в это время на маленьком стуле. В минутной досаде на пустоту шестого ящика я только что подняла ногу, чтобы закрыть его, как вдруг дверь из залы отворилась, и я увидела перед собой майора Фитц-Дэвида.

Его взгляд, встретившись сначала с моим, перешел к моим ногам. Когда он увидел открытый ящик, лицо его изменилось только на одно мгновение, но в это мгновение он взглянул на меня с внезапным подозрением и удивлением, взглянул так, как будто я была близка к открытию.

– Я не буду беспокоить вас, – сказал он. – Я пришел только для того, чтобы задать вам вопрос.

– Какой вопрос, майор?

– Не встречались ли вам в продолжение ваших поисков какие-нибудь мои письма?

– До сих пор я не видела ни одного. Если мне попадутся письма, я, конечно, не сочту себя вправе прочесть их.

– Об этом-то я и хочу поговорить с вами. Мне только сейчас, наверху, пришло в голову, что мои письма могут поставить вас в затруднительное положение. Я на вашем месте смотрел бы с недоверием на все, чего не мог бы освидетельствовать. Мне кажется, что это затруднение легко устранить. Я не нарушу своего обещания и не выдам ничьей тайны, если скажу вам, что в моих письмах вы не найдете указания, которое вам нужно. Вы можете пропускать их как предметы, не стоящие внимания с вашей точки зрения. Надеюсь, что вы понимаете меня.

– Я очень благодарна вам, майор. Я вполне понимаю вас.

– Не устали ли вы?

– Нисколько, благодарю вас.

– И вы еще не потеряли надежды на успех? Вы еще не упали духом?

– Нет. Пользуясь вашим великодушным разрешением, я намерена продолжать свои поиски.

Нижний ящик бюро был еще открыт, и, отвечая майору, я рассеянно взглянула на осколки вазы. Он уже успел овладеть собой. Он тоже взглянул на осколки вазы умышленно равнодушным взглядом. Я помнила, как подозрительно и удивленно взглянул он на них и на меня, когда вошел в комнату, и его теперешнее равнодушие показалось мне несколько утрированным.

– В этом мало интересного, – сказал он, указывая с улыбкой на куски фарфора.

– Нельзя судить по внешности. В моем положении следует подозревать все, даже осколки разбитой вазы.

Говоря это, я глядела на него пытливым. Он переменил разговор.

– Не беспокоит ли вас музыка?

– Нисколько, майор.

– Она скоро кончится. Учитель пения уходит. Его сменит учитель итальянского языка. Я делаю все возможное для усовершенствования моей молодой примадонны. Учась пению, она должна также учиться языку, который есть, по преимуществу, язык музыки. Я усовершенствую ее выговор, когда повезу ее в Италию. Высшая цель моего честолюбия – чтобы ее принимали за итальянку, когда она будет на сцене. Могу я сделать что-нибудь для вас, прежде чем уйду? Не прислать ли вам еще шампанского? Скажите «да».

– Благодарю вас, майор. Я не хочу шампанского.

Он поклонился мне и, повернувшись к двери, украдкой взглянул на книжный шкаф. Взгляд был мгновенный, и я едва заметила его, как майор уже вышел из комнаты.

Оставшись одна, я взглянула на книжный шкаф, в первый раз взглянула на него со вниманием.

Это был красивый дубовый шкаф со старинной резьбой. Он стоял у стены, отделявшей кабинет от зала. За исключением пространства, занятого во внутреннем углу дверью, он занимал всю стену, почти вплоть до окна. Наверху стояли вазы, канделябры, статуэтки, всего по две штуки, расставленные в симметричный ряд. Оглядывая этот ряд, я заметила, что на краю, со стороны окна, не доставало чего-то. На другом краю, со стороны двери, стояла красивая разрисованная ваза оригинальной формы. Где была другая соответствующая ваза, которой следовало бы стоять на соответствующем месте на другом краю шкафа? Я вернулась к все еще открытому шестому ящику левого бюро и заглянула в него опять. Рассмотрев осколки разбитой вазы, я убедилась, что это была та самая ваза, которой не доставало на шкафу.

Сделав это открытие, я вынула все осколки до последнего и рассмотрела их внимательно каждый порознь.

Я была слишком несведуща на этот счет, чтобы оценить достоинство вазы или ее древность. Я не могла даже узнать, английского она была происхождения или иностранного, фон был нежного сливочного цвета. Два медальона на двух противоположных сторонах вазы были окружены гирляндами и купидонами. В одном из медальонов была нарисована очень отчетливо женская головка, может быть, голова нимфы, или какой-нибудь богини, или какой-нибудь знаменитости – я не могла определить это верно. Другой медальон был занят мужской головой, изображенной также в классическом стиле. Пастухи и пастушки, в костюмах Ватто, с собаками и с овцами, составляли украшение пьедестала. Такова была ваза в дни своей целости, когда стояла на шкафу. По какому случаю она разбилась? И почему лицо майора Фитц-Дэвида изменилось, когда он увидел, что я отыскиала осколки этой вазы?

Осколки не разрешили моих вопросов, осколки не сказали мне решительно ничего. Однако, судя по подмеченному мной взгляду майора, путь к открытию пролегал прямо или косвенно через разбитую вазу.

До сих пор я полагала, что указание, которое я надеялась найти, заключалось в какой-нибудь писаной бумаге. Теперь, после подозрительного взгляда майора на книжный шкаф, мне пришлось в голову, что оно могло заключаться в книге.

Я оглядела ряды нижних полок, стоя на таком расстоянии от книг, чтобы быть в состоянии читать их названия. Я увидела Вольтера в красном сафьяне, Шекспира в голубом, Вальтер Скотта в зеленом, «Историю Англии» в коричневом. Я остановилась, утомленная и обескураженная длинными рядами книг. Возможно ли, подумала я, осмотреть такое множество книг? И если бы я даже осмотрела их все, что могла бы я найти в них? Майор говорил, что жизнь моего мужа омрачена каким-то страшным несчастьем. Каким образом следы этого несчастья или какое-нибудь указание на него могут оказаться на страницах Шекспира или Вольтера? Одна мысль об этом казалась дикой, а попытка осмотреть книги с этой целью – бесполезной тратой времени.

Однако майор, несомненно, бросил украдкой пытливый взгляд на шкаф. К тому же разбитая ваза стояла некогда на шкафу. Давали ли мне эти обстоятельства право смотреть на вазу и на книжный шкаф как на два указателя на пути к открытию? Трудно было в ту минуту решить этот вопрос.

Я взглянула на верхние полки. Там коллекция книг была разнообразнее. Тома были мельче и расставлены не так аккуратно, как на нижних полках. Некоторые были в переплетах, некоторые в бумажных обертках. Один или два упали и лежали на боку. Были и пустые места от книг, вынутых и не положенных обратно. Словом, в верхней части шкафа не было обескураживающего однообразия. Неопрятные полки подавали надежду, что какой-нибудь счастливый случай наведет на открытие. Я решила, что если буду осматривать книжный шкаф, то начну с верхних полок.

Где была лестница?

Я оставила ее у стены с выдвижной дверью. Взглянув в эту сторону, я, естественно, взглянула и на выдвижную дверь, на неплотно притворенную дверь, через которую я слышала разговор майора со слугой, когда только что вошла в дом. С тех пор никто не отворял эту дверь. Все входили и выходили в дверь залы.

В ту минуту, когда я оглянулась, что-то пошевелилось в передней комнате, и от этого движения в щели неплотно притворенной двери мелькнул свет. Не следил ли кто-нибудь за мной через щель? Я тихо подошла к двери и быстро отодвинула доску. За дверью стоял майор! Я поняла по его лицу, что он следил за мной, пока я была у книжного шкафа.

Он держал в руках шляпу – очевидно, собирался уйти и теперь воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить свою близость к двери.

– Надеюсь, что я не испугал вас, – сказал он.

– Вы только удивили меня, майор.

– Извините, мне так совестно! Я только что намеревался отворить дверь, чтобы сказать вам, что мне необходимо уйти. Я получил спешное поручение от одной дамы. Прелестная особа. Как жаль, что вы ее не знаете. Она в очень неприятном положении, бедняжка. Небольшие счетцы, знаете ли, и несносные торговцы, требующие уплаты, и при этом муж – о боже мой! – муж, совершенно недостойный ее. Чрезвычайно интересное создание! Вы напоминаете мне ее немного, у вас одинаковая манера держать голову. Я уйду не более чем на полчаса. Могу я сделать что-нибудь для вас? Какой у вас утомленный вид. Позвольте мне прислать вам еще шампанского. Нет? Обещайте позвонить, если вам захочется шампанского. И прекрасно. *Au revoir*, мой обворожительный друг, *au revoir*!

Лишь только он отвернулся, я задвинула опять дверь и села, чтобы отдохнуть немного.

Так он наблюдал за мной, когда я осматривала книжный шкаф! Человек, знавший тайну моего мужа, знавший, где находится указание на эту тайну, наблюдал за мной, когда я была у книжного шкафа! Теперь я не сомневалась более. Майор Фитц-Дэвид ненамеренно указал мне, куда я должна была направить мои поиски.

Я взглянула равнодушно на четвертую стену, которой я еще не осматривала, и на все, что находилось возле нее, на все изящные безделушки, расставленные на столе и камине, каждая из коих при других обстоятельствах могла бы возбудить мое подозрение. Даже акварельные рисунки нисколько не заинтересовали меня. Я рассеянно заметила, что все это были женские портреты, вероятно, портреты идолов майора Фитц-Дэвида, и мне не хотелось знать ничего более.

На пути к лестнице я прошла мимо одного из столов и заметила два ключа, которые майор оставил мне.

Маленький ключ тотчас же напомнил мне о шкафчиках под книжными полками. Странно, что я до сих пор не обратила на них внимания! Теперь у меня появилось внезапное предположение, что именно в них-то, за их запертыми дверцами, и скрывалось то, что мне было

нужно. Я поставила лестницу на место и решила осмотреть запертые шкафы. Их было три. Когда я открыла первый из них, пение наверху прекратилось. Внезапный переход от музыки к мертвой тишине произвел на меня какое-то подавляющее действие. Причиной этого были, вероятно, мои расстроенные нервы. Следующий звук в доме, простой скрип сапог на лестнице, заставил меня содрогнуться. Мужчина, сходявший с лестницы, был, вероятно, учитель пения, кончивший урок. Я услышала, как затворилась за ним наружная дверь, и вздрогнула опять, как будто в этом знакомом звуке было что-нибудь ужасное. Однако я постаралась овладеть собой и приступила к осмотру первого шкафа.

Он был разделен полкой на два отделения. В верхнем не было ничего, кроме ящиков с сигарами, расставленных рядами один под другим. Нижнее было занято коллекцией раковин, сваленных в беспорядочную кучу. Майор, очевидно, дорожил больше сигарами, чем раковинами. Я тщательно осмотрела нижнее отделение в надежде найти что-нибудь интересное, но, кроме раковин, в нем не было ничего.

Открыв второй шкаф, я внезапно заметила, что в комнате стемнело. Я взглянула в окно. Было еще не поздно. Темнота произошла от набежавших туч. Дождевые капли стучали о стекла, осенний ветер мрачно свистел в углах двора. Я поправила огонь в камине. Нервы мои расходились опять, руки дрожали, я сама не понимала, что делалось со мной.

Во втором шкафу, в верхнем отделении, я нашла несколько прекрасных камней, не оправленных, но лежавших на красивых картонных подносах. В углу, полускрытые одним из подносов, виднелись белые листы небольшой рукописи. Я поспешно вынула ее, но, к моему разочарованию она оказалась только каталогом камней.

Перейдя к нижнему отделению шкафа, я нашла новые редкости в виде точеных вещей из Японии и образчиков редких шелков из Китая. Редкости майора утомили меня. Чем дальше я искала, тем дальше, по-видимому, удалялась от единственного предмета, который был мне нужен. Затворив второй шкаф, я даже усомнилась, стоит ли отворять третий. Подумав немного, я решила довести осмотр нижних шкафов до конца и отворила дверцы третьего.

На верхней полке, в одиноком величии, лежал только один предмет – великолепно переплетенная книга.

Она была больше всех книг, какие я когда-либо видела. Переплет был голубого бархата, с серебряными застежками в форме красивых арабесков и с замком из того же металла для предохранения книги от любопытных глаз. Взяв ее в руки, я заметила, что замок не был заперт. Имела ли я право воспользоваться этим обстоятельством и открыть книгу?

Я открыла книгу, не задумавшись ни на минуту.

Страницы были из лучшей веленовой бумаги, красиво разрисованные по краям. Но что нашла я на этих великолепных страницах? К моему невыразимому изумлению и отвращению, я нашла локоны волос, аккуратно прикрепленные к центру каждой страницы, и под ними надписи, свидетельствовавшие, что эти локоны были подарками на память от особ, владевших разное время податливым сердцем майора. Надписи были на английском и на иностранных языках, но все, по-видимому, имели одну цель – напоминать майору о днях преждевременного конца его многочисленных привязанностей. Так, первая страница была украшена локоном светлейших пепельных волос и следующей надписью: «Моя обожаемая Маделин. Вечное постоянство. Увы, июля 22-го 1839!». Далее следовал локон рыжих волос с латинской надписью и с примечанием, прибавленным ко дню разрыва дружбы и объяснявшим, что эта особа происходила от древних римлян и что поэтому Фитц-Дэвид оплакал ее по-латыни. Далее следовали локоны других цветов и другие надписи. Наконец мне надоело рассматривать их. Я положила книгу на место в негодование на женщин, помогавших наполнять ее. Но, подумав, я взяла ее опять. До сих пор я тщательно осматривала все, что попадалось мне под руку. Приятно мне это было или нет, но я должна была осмотреть так же тщательно и книгу.

Я пересмотрела все страницы, пока не дошла до первой пустой. Все остальные были, очевидно, пустые. В виде последней предосторожности я подняла книгу так, чтобы венская посторонняя бумага, если таковая была между ее страницами, могла выпасть.

На этот раз терпение мое было вознаграждено находкой, которая взволновала и смутила меня невыразимо.

Из книги выпал небольшой фотографический портрет, наклеенный на картон. Я увидела, что это был портрет двух лиц. В одном из них я узнала моего мужа. Другим лицом была женщина. Ее наружность была совершенно незнакома мне. Женщина была немолода. Портрет представлял ее сидящей на стуле, с моим мужем позади нее, ее рука была в его руке. Лицо женщины было жесткое и некрасивое, с явным отпечатком сильных страстей и непреклонной силы воли. Но, как ни была она некрасива, сердце мое сжалось от ревности, когда я заметила фамильярность позы, в которой они снялись. Юстас сказал мне однажды в первое время нашей любви, что он несколько раз воображал себя влюбленным, прежде чем встретился со мной. Неужели эта непривлекательная женщина была предметом его поклонения? Она была настолько близка, настолько дорога ему, что снялась с рукой в его руке! Я глядела и глядела на портрет, пока наконец не вышла из терпения. Женщины – странные создания, загадки даже для самих себя. Я швырнула портрет в угол шкафа, я была до безумия зла на мужа, я ненавидела всем сердцем и всей душой женщину, державшую его руку, незнакомую женщину с жестким упрямым лицом.

Нижнее отделение шкафа не было еще осмотрено.

Я стала на колени, чтобы осмотреть его. Я жаждала заглушить каким-нибудь занятием унижительное чувство ревности, овладевшее мной.

К несчастью, в нижнем отделении не было ничего, кроме памятников военной жизни майора, его шпаги, пистолетов, эполет, пояса и других принадлежностей амуниции. Ни один из этих предметов не имел для меня ни малейшего интереса. Глаза мои невольно перешли опять на верхнюю полку, и как безумная (это самое мягкое слово для определения моего состояния в то время) я схватила портрет и опять взглянула на него. В этот раз я заметила, что на оборотной стороне была надпись, сделанная женским почерком. Надпись была следующая:

«Майору Фитц-Дэвиду с двумя вазами от его друзей С. и Ю. М.»

Не была ли разбитая ваза одной из этих vaz? И не была ли перемена, которую я заметила в лице майора Фитц-Дэвида, когда он увидел, что я нашла разбитую вазу, следствием какого-нибудь воспоминания, связанного с ней и касавшегося также и меня? Но я не остановилась на этих предположениях. Передо мной был несравненно более важный вопрос о начальных буквах надписи.

«С. и Ю. М.»? Последние две буквы могли означать имя моего мужа, его настоящее имя Юстас Макаллан. В таком случае первая буква, «С», по всей вероятности, означает ее имя. Какое право имела она соединять себя с ним таким образом? Я подумала, я напрягла память и внезапно вспомнила, что у Юстаса были сестры. До нашей свадьбы он говорил со мной о них не раз. Неужели я была так безумна, что мучилась ревностью к сестре моего мужа? Это казалось весьма вероятным. «С» могло означать ее имя. Мне стало очень совестно, когда я взглянула на вопрос с этой точки зрения. Как я оскорбила в душе их обоих! Я перевернула портрет с грустью и раскаянием, чтобы взглянуть на него без предубеждения.

Мне, естественно, пришел в голову вопрос о фамильном сходстве. Ни малейшего фамильного сходства не было в этих лицах. Напротив, они были так непохожи, как только возможно. Да правда ли, что она его сестра? Я взглянула на ее руки. Ее правая рука была в руке Юстаса, левая лежала на ее коленях, и на третьем пальце было ясно видно обручальное кольцо. Были ли у моего мужа замужние сестры?! Я однажды спросила его об этом, и он ответил, что ни одна из его сестер не была замужем.

Возможно ли, что моя первая догадка была справедлива? Иначе что значит соединение начальных букв? Что значит обручальное кольцо? Боже мой! Неужели я видела перед собой портрет моей соперницы? И неужели эта соперница – его жена?

Я отбросила портрет с криком ужаса. Прошла минута, страшная минута, когда мне казалось, что рассудок покидает меня. Я не знаю, что случилось бы, что я сделала бы, если бы моя любовь к Юстасу не взяла верх над терзавшими меня чувствами. Любовь подкрепила меня, любовь пробудила лучшие стороны моей души. Способен ли он к такой низости, в какой я заподозрила его? Нет, низость была с моей стороны, – в том, что я хоть на минуту заподозрила его в этом.

Я подняла с пола противный портрет, положила его обратно в книгу, поспешно заперла шкаф и взялась опять за лестницу. Моим единственным стремлением теперь было искать убежище от своих мыслей в каком-нибудь занятии. Как я ни старалась заглушить отвратительное, унизившее меня подозрение, я чувствовала, что готова была поддаться ему опять. Книжки, книги! Моей единственной надеждой теперь было погрузиться душой и телом в книги.

Я поставила уже одну ногу на лестницу, как вдруг услышала, что дверь из залы отворилась.

Я оглянулась, ожидая увидеть майора. Вместо майора я увидела будущую примадонну, остановившуюся в дверях и твердо устремившую на меня свои круглые глаза.

– Я могу вынести многое, – начала она холодно, – но выносить дольше это я не могу.

– Чего вы не можете выносить дольше?

– Вы провели здесь добрых два часа, одна-одинехонька в кабинете майора. Я ревнива, было бы вам известно, и я хочу знать, что это значит. – Она приблизилась ко мне на несколько шагов с угрожающим взглядом и с ярким румянцем на лице. – Не намерен ли он вывести и вас на сцену? – спросила она резко.

– Конечно, нет.

– Влюблен он в вас?

При других обстоятельствах я попросила бы ее выйти из комнаты. Но в ту минуту присутствие живого существа было для меня облегчением. Даже эта девушка с ее бесцеремонными вопросами и грубыми манерами была приятной нарушительницей моего уединения: она дала мне передышку от мучивших меня мыслей.

– Ваш вопрос не совсем учтив, но я извиняю его, – ответила я. – Вы, вероятно, не знаете, что я замужем.

– Так что же, что замужем, – возразила она. – Майору все равно, замужем вы или нет. Черномазая шутиха, величающая себя леди Клариндой, тоже замужем, однако она присылает ему букеты три раза в неделю. Не подумайте, что я влюблена в старого дурака. Но я потеряла место на железной дороге и теперь должна заботиться о себе, и я не знаю, безопасно ли допускать других женщин становиться между ним и мною. Понимаете теперь, в чем дело? Я не могу быть спокойной, когда вижу, что он оставил вас здесь хозяйничать одну. Я хочу знать, что вы тут делаете. Как вы познакомились с майором? Я никогда не слыхала, чтобы он говорил о вас.

Сквозь внешний эгоизм и грубость этой девушки проглядывали простосердечие и свобода, свидетельствовавшие в ее пользу. По крайней мере, такое впечатление произвела она на меня. Я, со своей стороны, отвечала откровенно и свободно.

– Майор Фитц-Дэвид – старый друг моего мужа, и ради моего мужа он добр и со мной. Он позволил мне осмотреть эту комнату...

Я остановилась, не зная, как объяснить ей мою задачу так, чтобы не открыть ей ничего и вместе с тем успокоить ее.

– Осмотреть эту комнату? Для чего? – спросила она. Глаза ее остановились на лестнице, возле которой я стояла. – Вам нужна книга? – прибавила она.

– Да, – ответила я, воспользовавшись ее предположением, – мне нужна книга.

– Вы еще не нашли ее?

– Нет.

Она посмотрела на меня пытливо. Она, очевидно, соображала, можно ли мне доверять.

– Вам, по-видимому, можно верить, – вынесла наконец она свой приговор мне. – Я помогу вам. Я не раз пересматривала эти книги и знаю о них больше, чем вы. Какую книгу вам нужно?

Предложив мне этот затруднительный вопрос, она впервые заметила букет леди Кларинды, который майор оставил на боковом столе. Мгновенно забыв и меня, и мою книгу, девушка набросилась, как фурия, на цветы и буквально растоптала их ногами.

– Вот! – воскликнула она. – Если бы я увидела здесь леди Кларинду, я сделала бы с ней то же самое.

– Что скажет майор? – заметила я.

– А мне какое дело? Неужели вы думаете, что я боюсь его? На прошлой неделе я разбила одну из его драгоценных игрушек, вон оттуда, и все из-за цветов леди Кларинды.

Она указала на шкаф, на пустое место возле окна. Сердце мое сжалось от предчувствия. Это она разбила вазу. Не найду ли я путь к тайне с помощью этой девушки? Я не произнесла ни слова, я могла только смотреть на нее.

– Да, – продолжала она. – Ваза стояла там. Он знает, как я ненавижу ее цветы, и он поставил их в вазу, подальше от меня. На вазе было нарисовано женское лицо, и он сказал мне, что оно похоже как две капли воды на ее лицо. Оно было так же похоже на нее, как мое. Это так взбесило меня, что я схватила книгу, которую читала, и швырнула ее в нарисованное лицо. Ваза свалилась на пол и разбилась вдребезги. Постойте! Не эта ли книга нужна вам? Вы любите читать судебные процессы?

Судебные процессы? Так ли я расслышала? Да, она действительно сказала «судебные процессы»!

Я ответила утвердительным наклоном головы. Я все еще не была в состоянии сказать что-нибудь. Девушка отошла к камину, взяла каминные щипцы и возвратилась с ними к шкафу.

– Вот куда завалилась книга, в пространство между шкафом и стеной, – сказала она. – Я сейчас достану ее.

Я не пошевелилась, не произнесла ни слова.

Она возвратилась ко мне со щипцами в одной руке, с переплетенной книгой в другой.

– Эта книга нужна вам? Посмотрите.

Я взяла у нее книгу.

– Это ужасно интересно, – продолжала она. – Я прочла ее два раза с начала до конца. И знаете, я думаю, что он это сделал.

Что сделал? Кто? Я хотела задать ей эти вопросы, но язык не повиновался мне.

Она потеряла всякое терпение, вырвала у меня книгу и раскрыла ее на столе, возле которого мы стояли.

– Вы беспомощны, как младенец, – сказала она. – Вот! Глядите. Эта книга нужна вам?

Я прочла на заглавном листе:

**Полный отчет
о судебном процессе Юстаса Макаллана, обвинявшегося в
отравлении своей жены**

Тут милосердный Господь послал мне облегчение: я потеряла сознание.

Глава XI

Возвращение к жизни

Моим первым ощущением, когда я начала приходить в себя, было ощущение страдания, нестерпимого страдания. Все существо мое противилось попыткам вернуть меня к жизни. Долго ли продолжалась эта безмолвная агония, я не знаю, но мало-помалу я почувствовала облегчение. Я услышала свое затрудненное дыхание, почувствовала, что руки мои движутся, слабо и машинально, как у младенца. Я открыла глаза и посмотрела вокруг, как будто прошла через пытку смерти и пробудилась к новой жизни в новом мире.

Первым, кого я увидела, был незнакомый мужчина. Он кивнул кому-то другому и скрылся.

Другой подошел медленно и неохотно к дивану, на котором я лежала. У меня вырвался крик радости, я попыталась поднять свои слабые руки – я увидела мужа.

Он даже не взглянул на меня. С опущенными глазами, со странной тревогой и смущением на лице он отошел от меня. Незнакомый человек, которого я увидела первым, проводил его в другую комнату. Я позвала слабым голосом: «Юстас!». Он не ответил, он не вернулся. Я с трудом повернула голову на подушке. Передо мной, как во сне, появилось другое знакомое лицо. Мой добрый старый Бенджамен сидел подле меня с полными слез глазами.

Он встал и молча взял мою руку.

– Где Юстас? – спросила я. – Почему он ушел от меня?

Я была все еще слаба. Мой взгляд бродил машинально по комнате. Я увидела майора Фитц-Дэвида. Я увидела стол, на котором певица открыла книгу, чтобы показать ее мне. Я увидела и певицу, сидевшую в углу. Она плакала, закрыв глаза платком. В одно мгновение память моя ожила, я вспомнила все. Единственным моим чувством теперь было страстное желание увидеть мужа, броситься к нему на грудь и сказать ему, как твердо я убеждена в его невиновности, как преданно и горячо я люблю его. Я схватила руку Бенджамена своими слабыми, дрожащими руками.

– Приведите его ко мне! – воскликнула я. – Где он? Помогите мне встать!

Незнакомый голос ответил мне твердо и ласково:

– Не волнуйтесь, сударыня. Мистер Вудвил ждет в соседней комнате, чтобы вы успокоились.

Я взглянула на говорившего и узнала человека, проводившего моего мужа из комнаты. Почему он вернулся без него? Почему Юстас не со мной? Я попробовала встать. Незнакомец тихо опустил меня опять на подушку. Я попробовала воспротивиться. Напрасно. Он крепко держал меня руками.

– Вы должны подождать немного, – сказал он. – Вы должны выпить вина. Если вы будете волноваться, с вами опять сделается обморок.

Старый Бенджамен нагнулся надо мной и шепнул мне:

– Это доктор, душа моя. Вы должны слушаться его.

Доктор! Они призвали на помощь доктора. Я смутно догадалась, что мой обморок сопровождался более серьезными симптомами, чем обыкновенные обмороки. Я обратилась к доктору и бессильно-сердитым тоном попросила его объяснить мне странное отсутствие моего мужа.

– Почему вы позволили ему уйти из комнаты? – спросила я. – Если мне нельзя пойти к нему, почему вы не приведете его ко мне?

Доктор, по-видимому, не знал, что ответить. Он обратился к Бенджамену:

– Не поговорите ли вы с миссис Вудвил?

Бенджамен, в свою очередь, обратился к майору:

– Не поговорите ли вы?

Майор сделал им обоим знак оставить нас одних. Они встали, вышли в дверь и закрыли ее за собой. Девушка, так странно выдавшая мне тайну моего мужа, встала тоже и подошла ко мне.

– Мне кажется, что и мне не мешает уйти, – сказала она, обратившись к майору Фитц-Дэвиду.

– Сделайте одолжение, – ответил он.

Тон его, как мне показалось, был холоден и сух. Девушка встряхнула головой и отвернулась от него в сильнейшем негодовании.

– Я должна сказать несколько слов в свою защиту. Я должна сказать что-нибудь, иначе я разревусь!

И она обратилась ко мне с целым потоком слов:

– Слышали вы, как майор говорит со мной? Он винит меня во всем, что случилось. А разве я виновата? Я хотела услужить вам. Я думала, что книга вам нужна. Я до сих пор не знаю, почему вы упали в обморок. А майор осуждает меня! Как будто я в чем-нибудь виновата! Я дочь почтенных родителей. Да! Мое имя Гойти, мисс Гойти. У меня тоже есть самолюбие. И оно оскорблено! Меня осуждают напрасно. Я ни в чем не виновата. Если кто виноват, так вы сами. Разве вы не сказали мне, что ищите книгу? Я дала вам ее с самыми лучшими намерениями. Теперь, когда доктор привел вас в чувство, вы можете подтвердить это. Вы могли бы замолвить слово за бедную девушку, которую заморили до полусмерти пением, языками и еще Бог знает чем, заступиться за бедную девушку, у которой нет защитников. Я ничем не хуже вас, если на то пошло. Мое имя Гойти. Родители мои купцы, и моя мама знала лучшие дни и вращалась когда-то в самом лучшем обществе.

Тут мисс Гойти опять залилась слезами.

Конечно, жестоко было винить ее. Я ответила ей так ласково, как только могла, и попробовала оправдать ее перед майором. Он взялся сам успокоить молодую примадонну. Что сказал он ей, я не слышала, – он говорил шепотом. Кончилось тем, что он поцеловал ей руку и вывел ее из комнаты так почтительно, как вывел бы герцогиню.

– Надеюсь, что эта безрассудная девушка не расстроила вас своим объяснением, – сказал он с жаром, когда возвратился ко мне. – Я не могу высказать вам, как я огорчен тем, что случилось. Вы, может быть, помните, что я предупреждал вас. Но если б я предвидел...

Я не дала ему продолжать. Никто не мог предвидеть того, что случилось. Притом, как ни ужасно было открытие, я предпочитала страдать так, как я страдала теперь, чем вернуться к прежней неизвестности. Высказав это майору, я перешла к единственному разговору, который интересовал меня теперь, к разговору о моем несчастном муже.

– Как он попал сюда?

– Он пришел с мистером Бенджаменом вскоре после моего возвращения.

– Спустя много времени после того, как я заболела?

– Нет. Я только что послал за доктором. Я очень боялся за вас.

– Что привело его сюда? Он вернулся в гостиницу и не нашел меня?

– Да, он вернулся раньше, чем предполагал, и, не найдя вас дома, встревожился.

– Он догадался, что я у вас? Он пришел сюда прямо из гостиницы?

– Нет. Он, вероятно, зашел сначала к мистеру Бенджамену. Что узнал он от вашего старого друга, я не знаю, но они пришли сюда вместе.

Этого краткого объяснения было достаточно для меня. Я поняла, как мой муж отыскал меня. Ему нетрудно было напугать моим отсутствием старого Бенджамена, а напугав его, нетрудно было заставить его проговориться о том, что было сказано между нами о майоре Фитц-Дэвиде. Присутствие моего мужа в доме майора было объяснено. Но его странное пове-

дение, его странный уход из комнаты, когда я только начала приходить в себя, было все еще загадкой. Майор Фитц-Дэвид, видимо, смутился, когда я попросила его объяснить мне это.

– Я, право, не знаю, как объяснить, Юстас удивил и огорчил меня.

Он говорил чрезвычайно серьезно, но его взгляд сказал мне более, чем его слова, его взгляд испугал меня.

– Не поссорился ли Юстас с вами?

– О нет.

– Он понимает, что вы не изменили своему обещанию?

– Конечно. Моя певица рассказала доктору, как все случилось, а доктор повторил это вашему мужу.

– Доктор видел книгу?

– Ни доктор, ни мистер Бенджамен не видели книги. Я запер ее и постарался скрыть ваше знакомство с ней. Бенджамен, очевидно, подозревает что-то, но доктор и мисс Гойти не имеют ни малейшего понятия о настоящей причине вашего обморока. Они оба полагают, что вы подвержены сильным нервным припадкам и что имя вашего мужа действительно Вудвил. Все, что можно было сделать для Юстаса, я сделал. Несмотря на это, он сердится на меня за то, что я принял вас. Он утверждает, что нынешнее событие оттолкнуло вас от него навсегда. «Мы не можем жить вместе, – сказал он мне, – после того, как она узнала, что я – тот самый человек, которого судили в Эдинбурге за отравление жены».

Я вскочила в ужасе.

– Боже милостивый! Неужели Юстас думает, что я сомневаюсь в его невиновности?!

– Он считает, что никто не может верить в его невиновность.

– Помогите мне дойти до двери. Где он? Я должна повидаться с ним.

С этими словами я упала в изнеможении на диван. Майор отошел к столу, налил стакан вина и заставил меня выпить его.

– Вы увидите с ним. Я обещаю это вам. Доктор запретил ему уходить из дома, пока вы не повидаетесь с ним. Подождите хоть несколько минут. Соберитесь с силами.

Я поневоле должна была покориться. О, эти ужасные минуты, когда я лежала бессильная на диване! Я до сих пор не могу вспомнить о них без содрогания.

– Приведите его сюда, – сказала я. – Умоляю вас, приведите его сюда.

– Можно ли привести его? – возразил майор грустно. – Можно ли переломить упрямство человека, сумасшедшего человека, готов я сказать, который способен был покинуть вас, когда вы только что открыли глаза? Я виделся с ним наедине в соседней комнате, пока с вами был доктор. Я старался поколебать его упорное недоверие к тому, что вы считаете его невиновным и что я уверен в этом. Напрасно. У него было только одно возражение. Сколько я ни убеждал его, сколько ни упрашивал его, он в ответ только напоминал мне о шотландском вердикте.

– О шотландском вердикте? Что это такое?

Мой вопрос удивил майора.

– Неужели вы действительно никогда не слыхали о его деле?

– Никогда.

– Когда вы сказали мне, что узнали свое настоящее имя, мне показалось странным, что это открытие не пробудило в вас никакого тяжелого воспоминания. Не прошло трех лет с тех пор, как вся Англия говорила о вашем муже. Немудрено, что он, бедный, воспользовался чужим именем. Где же вы были в то время?

– Вы сказали, три года тому назад?

– Да.

– Мне кажется, я могу объяснить, почему я не знаю того, что известно всем. Три года назад мой отец был еще жив, и мы жили в Италии, в горах близ Сиены. Мы жили очень уединенно и по целым месяцам не видали ни английских газет, ни английских путешественников.

Очень может быть, что в письмах, которые отец мой получал из Англии, ему рассказывали об этом деле. Но отец не говорил о нем со мной, а если и говорил, то оно заинтересовало меня так мало, что я тотчас же забыла о нем. Скажите, что общего имеет вердикт со странным недоверием моего мужа к нам обоим? Юстас на свободе. Следовательно, вердикт был: «невиновен»?

Майор Фитц-Дэвид грустно покачал головой.

– Юстас судился в Шотландии, – сказал он. – Шотландский закон допускает вердикт, не допускаемый, как мне известно, ни в какой другой цивилизованной стране. Когда в Шотландии присяжные не уверены ни в виновности, ни в невинности подсудимого, они имеют право выразить свою неуверенность неопределенным вердиктом. Если они находят доказательства недостаточными ни для обвинения, ни для оправдания подсудимого, они выносят вердикт: «не доказано».

– И таким вердиктом кончилось дело Юстаса?

– Да.

– Присяжные не были вполне уверены ни в невинности, ни в виновности моего мужа?

Это означает шотландский вердикт?

– Да. И вот уже три года, как сомнение присяжных тяготеет над вашим мужем в глазах общества.

Бедный мой невинный страдалец! Теперь я поняла все. Женитьба под ложным именем, страшные слова, которыми он предупреждал меня уважать его тайну, его ужасное сомнение во мне, – все теперь было мне ясно. Я встала с дивана, ощущая прилив сил и решительности.

– Проводите меня к Юстасу, – сказала я. – Я теперь в силах вынести что угодно.

Внимательно посмотрев на меня, майор молча предложил мне руку и вывел меня из комнаты.

Глава XII

Шотландский вердикт

Мы прошли в дальний конец залы. Майор Фитц-Дэвид отворил дверь в длинную узкую комнату, пристроенную к задней стороне дома и простиравшуюся вдоль одной стороны двора вплоть до стены конюшни. Это была курительная комната.

Мой муж сидел один в отдаленном углу перед камином. Увидев меня, он вскочил с места. Майор тихо затворил дверь и оставил нас вдвоем. Юстас не сделал ни шагу навстречу мне. Я подбежала к нему, обняла его и поцеловала. Он остался неподвижен, покорился моей ласке и только.

– Юстас, – сказала я, – я никогда не любила тебя сильнее, чем в эту минуту, я никогда не сочувствовала тебе так, как сочувствую тебе теперь.

Он решительно освободился из моих объятий и с машинальной учтивостью постороннего указал мне на стул.

– Благодарю тебя, Валерия, – сказал он холодным уверенным тоном. – После случившегося ты не могла сказать мне менее того, что сказала, и не могла сказать ничего более. Благодарю тебя.

Мы стояли перед камином. Он отошел от меня и медленно направился к двери, очевидно, намереваясь выйти из комнаты. Я последовала за ним, обогнала его и стала между ним и дверью.

– Почему ты уходишь? – спросила я. – Почему ты говоришь со мной таким жестоким тоном? Ты сердишься на меня, Юстас? Если ты сердишься, я прошу у тебя прощения.

– Мне, а не тебе следует просить прощения, – возразил он. – Прости мне, Валерия, что я сделал тебя своей женой.

Он сказал это так уныло, с таким безнадежным смирением в голосе, что мне стало страшно за него. Я положила руку на его грудь, я сказала:

– Юстас, взгляни на меня.

Он медленно поднял глаза на мое лицо, глаза холодные, ясные, без слез, смотревшие на меня с твердой покорностью, с непоколебимым отчаянием. В эту ужасную минуту я была так же спокойна и холодна, как мой муж.

– Ты считаешь меня способной сомневаться в твоей невинности?

Он не ответил на мой вопрос. Он горько вздохнул.

– Бедная женщина, – сказал он таким тоном, как сказал бы посторонний. – Бедная женщина!

Сердце мое замерло.

– Я не прошу тебя жалеть меня, Юстас. Я прошу у тебя только справедливости. Ты несправедлив ко мне. Если бы ты доверился мне в те дни, когда мы только что узнали, что любим друг друга, если бы ты сказал мне тогда все, что я знаю теперь, и более того, что я знаю, Бог свидетель, что это не помешало бы мне сделаться твоей женой. Веришь ты мне, что я считаю тебя невинным?

– Я не сомневаюсь в этом, Валерия, – ответил он. – Все твои побуждения великодушны. Ты говоришь великодушно и чувствуешь великодушно. Но не осуждай меня, бедное дитя мое, если я гляжу дальше, чем ты, если я вижу все, что ожидает нас, наверняка ожидает нас в жестокое будущее.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты веришь в мою невинность. Присяжные, судившие меня, сомневались в ней и не оправдали меня. Какое основание имеешь ты считать меня невинным?

– Мне не нужно никакого основания! Я уверена в твоей невиновности вопреки присяжным, вопреки вердикту.

– Согласятся ли с тобой твои друзья? Когда твой дядя и тетка узнают то, что узнала ты, – а рано или поздно они узнают непременно, – что скажут они? Они скажут: он начал дурно. Он скрыл от нашей племянницы свой первый брак, он женился на нашей племяннице под чужим именем, он может уверять в своей невиновности, но, кроме его слов, мы не имеем никакого основания, чтобы верить ему. Когда его судили, вердикт был: «не доказано». Такой вердикт, как «не доказано», не удовлетворяет нас. Если присяжные были несправедливы к нему, если он невиновен, пусть докажет это. Вот что думает и что говорит обо мне свет. Вот что подумают и что скажут обо мне твои друзья. Придет время, когда ты, даже ты, начнешь думать, что мнение твоих друзей имеет основание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.